

Н А Т А Л Ь Я
АНДРЕЕВА

-АВТОРА!

★ ЭРА СТРЕЛЬЦА ★

Наталья Вячеславовна Андреева – Автора!

Серия «Эра Стрельца», книга 3

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=650535
Автора! : роман / Наталья Андреева: АСТ; Москва; 2017
ISBN 978-5-17-101881-8*

Аннотация

Когда человеку скучно, он начинает развлекать себя самыми экзотическими способами. Один из них – игра со смертью.

Павел Клишин написал роман о том, как его убили. Он обвинил всех своих знакомых, заранее подбросив им улики, лишив их алиби.

Хотел ли автор умереть или это всего лишь разыгравшееся воображение тщеславного человека?

Жизнь внесла свои коррективы в его планы и сама поставила точку в конце этого романа.

Содержание

Пролог	4
Глава первая	9
Глава вторая	94
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Наталья Андреева – Автора!

Пролог

«...Пальцы мои скрючены и похожи на клешни вареного рака, их можно вывернуть с хрустом, обсосать и отбросить прочь. Признаться, я не люблю вареных раков. Я люблю воблу и пиво, то есть любил, а сейчас уже ничего и ничего не люблю. Я лежу на полу, неприятно пахнувший смертью и отвратительный на ощупь, негнущийся и холодный. Мой взгляд остыл, как чай, принесенный в купе с большим опозданием нерадивой проводницей. Я еду в Вечность. Мои соседи по купе: круглый стол на четырех «пьяных» ножках, продавленный диван, старый буфет, на стенках которого фанера пошла пузырями, да остов этажерки, добрая половина ее полка сгнила и провалилась. Нет, я не бедный и не жадный. Эти вещи дороги мне как память о моих родственниках, которые ушли из жизни не при столь драматичных обстоятельствах, а как все нормальные люди, то есть умерли своей смертью. В отличие от меня.

Мои соседи по купе остались посмотреть на ту суету, что подняли вокруг моего мертвого тела тупые люди с тусклыми рыбьими глазами. Купе – это я так, для образ-

ности мыслей. Я же все-таки писатель – а писателю положено быть оригинальным. Если только он не сочиняет истории, удобоваримые для желудков простых смертных, и не вываливает их на прилавок, словно дешевую колбасу. Наме! Режьте и ешьте! Хоть целиком, хоть кусками!

Что же касается места действия... Конечно, это не купе спального вагона. Это кухня на моей собственной даче. Где я лежу сейчас мертвый. Но все равно что еду. В Вечность.

Они приехали, скорее всего, рано утром. Вошли, огляделись и осторожно, чтобы не затоптать следы, стали осматривать место происшествия. Увидели на круглой столеешнице два бокала и тут же закричали: «Ага!» Два бокала и пепельница из дешевого синего стекла. Эту пепельницу моему покойному, как ныне и я, отцу вручили на работе сослуживицы. Подарок ко Дню Советской Армии в обмен на цветы и шоколадки им же к грядущему празднику Восьмое марта.

Тожже память. Они, то есть сыщики, сказали «ага!» и кинулись к пепельнице. Разве они не маньяки? Фетишисты, которые носят с каким-нибудь окурком, либо волоском с чужой головы и пытаются доказать, что все было именно так, как они думают. Мне смешно! О пепельница! Я презирал тебя, словно дешевую шлюху, стряхивая пепел в твоё гнилое нутро и тыкая, не глядя, туда же обгоревшие спички. А теперь тебя, почти как порядочную эсеницу, осторожно и с почтением вытряхивают на чистый лист бума-

ги. Белоснежный. Поздравляю! После смерти своего последнего владельца ты вновь стала девственницей!

Същики же все ходят вокруг моего тела, нарезают круги, словно акулы, и пытаются понять, отчего я умер. Человек, который нюхает пустой бокал, должно быть, эксперт. Все они алкоголики. И мерзавцы. Ненавижу... Впрочем, я ненавижу всех, все человечество. Есть такая болезнь: рак души. Она ничем не выдает признаков гниения в организме вполне живого и цветущего на вид человека, но тем не менее смертельна. А тело мое... Оно в полном порядке. Всегда было в порядке. Если бы они знали, какое это было тело, прежде чем стать никем, просто мешком с костями! Как любили его женщины и как презирал его я. Я, чья Вселенская Душа случайно попала в эту скотскую племенную оболочку! Им ничего не понять и ни о чем не догадаться, этим ментам. Им, сирым, пришедшим сюда с улицы в грязных ботинках, потому что с раннего утра шел дождь. Я это знаю. И дождь, он тоже на моей стороне. Впрочем, мне уже все равно.

Холодно мне? Страшно? Нет! Я обрел наконец покой. Гармонию, которую не мог обрести при жизни. Тела и души. Они могут делать со мной все, что захотят. Даже распороть ножом мешок из кожи, весьма гармонично наполненный мясом и костями, и копаться в его содержимом. Да на здоровье! Я и сам могу с полной ответственностью и под присягой сказать, что это был яд. Тот самый, знаменитый

цианистый калий. Сверкающий цианид. Герой многочисленных детективов. О ядовитости которого знает и ребенок. Не знает только, где его можно достать, к счастью для соседа по парте, который не дет списать. Бокал, в который подсыпали цианид, вот он! Bravo, эксперт! Ты определил по запаху то, что я узнал по вкусу, едва только напиток оказался у меня во рту. Машинально я его проглотил. Не надо тратить понапрасну народные деньги, покупать дорогие реактивы, корпеть над многостраничным заключением. Признаюсь честно – это был цианид. Радуйтесь, что все так просто! Да и время смерти помню точно: новый день я так и не смог начать, а старый не смог закончить. От него осталась еще пара самых неинтересных часов. Должно быть, они были мне не нужны. Так счел Господь, который отнял у меня жизнь. Руками любимого своего творения – человека.

В моем уютном доме холодно и пусто. Почему уютном? Потому что в нем никогда не было законной женской руки. То есть руки законной жены. Все какие-то случайные женские руки, создающие видимость порядка и уюта на тот короткий отведенный им срок, который я всегда спешил еще больше сократить. Вы найдете повсюду следы этих рук и принадлежащие их обладательницам не слишком лелеемые мною вещи. И сами удивитесь, как много в моей жизни было чужого присутствия и слез при расставании. Которые меня совершенно не трогали. Но это не значит,

что меня некому оплакать. Мертвый возлюбленный – хороший повод записаться в монахини. А женщины любят выстраивать из своих страданий монастырь и запираются в нем ото всех мужчин, если один вдруг оказался сволочью. Они очень любят нас обобщать, эти женщины. Мол, все мужики козлы. А мы не любим их разочаровывать. И в самом деле становимся козлами.

Итак, отчего же я все-таки умер? И как? Милиция до этого не додумается, куда им! Не скажу, что у меня богатый опыт общения с представителями законной власти, но в их ум, честь и совесть я давно не верю. Равно как и в гениальных сыщиков. Но справедливость должна восторжествовать, тайна моей смерти должна быть раскрыта. И помогу вам я сам. Я, Павел Клишин.

Потому что знаю, как все это было. Вам нужен свидетель? Он перед вами, и он же жертва. Мертвый, недвижимый, но самый болтливый и самый правдивый. Потому что не заинтересован больше ни в каких материальных благах, только в истине и еще кое в чем. Но об этом после.

Итак, слушайте:

«Мое тело лежит...»

Глава первая

Пашин сосед

1

Ранним июньским утром полусонный Алексей Леонидов проследовал в сад и, стоя меж старых яблонь, вдохнул полной грудью упоительно свежий воздух. Весна была такая холодная, что появилось ощущение, будто тепла не будет. Вообще. В начале мая пошел снег, потом были сильные заморозки, и все процессы в живых организмах приостановились. Переход к любимому времени года – лету – прошел незамеченным. Теперь Алексей стоял посреди цветущего сада и приходил в восторг, постепенно осознавая, что наступило лето.

Всю эту неделю Леонидов провел на работе. Все проводят дневное время на работе, ничего странного в этом нет. Но дело в том, что он проводил на работе гораздо больше положенного времени. К великому неудовольствию жены. Это закончилось неизбежным – ссорой. В результате которой каждый остался при своем: он при работе, жена при домашнем хозяйстве. Но втайне оба решили отомстить. Алексей стал приезжать домой еще позже, и тогда жена и сын в отместку

отбыли на дачу. Оставив его один на один с бытовыми проблемами. Впрочем, со своим домашним хозяйством Леонидов разделался просто. По-мужски. Стал покупать готовый ужин в ресторанах быстрого питания, либо готовые шницели в кулинарии, старался поменьше пользоваться посудой, благо готовая еда вся в контейнерах, и не замечать пыли на экране телевизора. Коммерческие дела навалились, дома никто не ждал, не спешил выговаривать, что Леонидов стал похож на привидение, которое появляется в полночь и пугает домашних кроважидным криком: «Хочу есть!», а с первым лучом света исчезает. Теперь он задерживался в своем кабинете, сколько было нужно, наслаждался свободой и отсутствием упреков. И так длилось неделю. А потом Алексей невольно затосковал. Для чего это все? Для кого он старается? Для семьи! А семьи нет, семья не оценит. Это нечестно. Родные и близкие должны быть в курсе принесенных им жертв. И в пятницу вечером Леонидов рванул на дачу, хвастаться своими победами. О поражениях герои трудового фронта, как правило, умалчивают.

До сегодняшнего утра Алексей был уверен, что на улице по-прежнему холодно. И считал, что еще живет в весне. По утрам, заводя машину, и поздно вечером, паркуясь у дома, он спешил в тепло. А на дачу приехал глубокой ночью, поужинал, лег в постель и мгновенно уснул. Рассказ о подвигах Алексей оставил на десерт, который был подан женой, но не съеден. Силенок не хватило. Равно как и на рассказ.

Проснулся Леонидов в восемь часов утра, повинуюсь привычке, позволил себе еще часок поваляться в постели рядом с теплой, полусонной женой и, умывшись ключевой водой из старого медного умывальника, вышел в сад. Вот тут-то и вырвалось у него это «ах!». Ах, яблони-то успели не только зацвести, но и усыпать бело-розовыми лепестками всю траву в саду! Которая успела вырасти по пояс! А это значит, что ее надо косить. Коси коса, пока роса... Эта роса лежала в особенно крупных листьях, как в чашах, посылая маленькую радугу прямо в зрачок. А вокруг... Вокруг непрерывно что-то жужжало, царапалось, стрекотало... Да так, что Алексей невольно встал на цыпочки. И вгляделся в высокую траву. «Эк вас как много-то! Сплошное движение, точно на оживленной магистрали! Где я? Медом пахнет! Да откуда здесь мед, если у нас в саду и ульев-то нет? Мать честная, а ведь это лето пришло!»

Он сообразил, что восхитительный запах идет от одуванчиков, яичными желтками покрывших траву. А белки опавшего яблоневого цвета пенились по всему саду. Эта млеющая на утреннем солнце гигантская глазунья и пахла медом. Над ней деловито кружили пчелы.

– Жить хорошо! – вслух сказал он. Потому что никто его не слышал и можно было позволить себе говорить банальности.

Ведь стоит огласить сию великую тайну, как тут же найдутся желающие ее оспорить и посмеяться над везунчиком.

Хорошо тебе, да? В Африке дети голодают. Да и на родине не спокойно. Далеко не всем повезло работать коммерческими директорами.

Алексей сладко вздохнул и замер, прислушиваясь к звукам согретшегося и проросшего сразу во всех направлениях сада.

Но вдруг...

В чарующую симфонию лета вторглось что-то инородное. Звук, который Леонидов без колебаний назвал бы лишним. Сердце летнего утра невольно забилося, затрепетало: за старым, покосившимся забором послышались звуки города. Алексей охотно пропустил бы мимо ушей рокот моторов. Но голоса... Голоса его насторожили. А главное то, что именно говорили приехавшие на соседний участок люди. Это было что-то из прошлой жизни. Из неудачной карьеры оперативного работника, мента. Неудачной – потому Алексей из органов уволился.

Он подошел к забору, возле которого густо росли вишневые деревья, и осторожно раздвинул ветки. В данном случае это было не любопытство, сработал инстинкт самосохранения. Там, у дома соседа, угадывалось какое-то движение, но в суть его так же трудно было проникнуть, как в сплетение тугих ветвей. Зачем они здесь, эти люди? Что там такое случилось, если понадобилось вызывать милицию? Уйдя из оперов, «с земли», Леонидов дал себе слово ни во что не вмешиваться. Вздохнув, он отпустил ветки, которые, рас-

прямившись, тут же закрыли обзор. Не спеша Алексей направился в дом, чувствуя, как потяжелели от влаги кроссовки. Коси коса, пока роса...

Саша уже встала. Она была на четвертом месяце беременности, под слабо завязанным пояском домашнего халатика угадывался небольшой животик. Алексей, конечно, за нее волновался. Одна, на даче, на четвертом месяце! Мама Алексея уехала в санаторий. Он давно ей это обещал, а тут подвернулся случай, и деньги нашлись, которых раньше не было. Саша сказала: «Лучше сейчас, когда у меня срок небольшой, чем в конце лета». Алексей ее понял. Почему-то его жена и мать не слишком ладили. Вот ведь – обе замечательные женщины! И так похожи в своей замечательности, что никак не могут найти общий язык! Впрочем, Саша справлялась и одна. Острый токсикоз первых трех месяцев уже прошел, чувствовала она себя прекрасно, расцвела и похорошела. Алексей клятвенно заверил, что скоро выпросит у Серебряковой отпуск.

Саша варила овсяную кашу на электрической плитке и то и дело с аппетитом облизывала ложку. Сережка носился вокруг дома, ожидая друга, который обещал принести водяной пистолет. Алексей тоже обещал привезти ему эту игрушку и опять, зараза, забыл! С памятью что-то случилось, когда на Леонидова навалилось столько коммерческих дел. Он потянул носом весьма аппетитный запах и сказал:

– Сашка, кончай оближивать ложку! Ты все слопаешь, по-

ка каша варится, и нам с Серегой не хватит.

Он вдруг почувствовал, что голоден, как волк. Так надо-ели чизбургеры, гамбургеры!.. Хочется простой овсяной каш-ши!

– Все равно половина моя, – сказала жена.

– Это с чего же половина?

Алексей свято соблюдал правила игры. Он якобы забыва-ет о ее беременности, она в шутку его ругает. Беременным женщинам надо во всем потакать.

– Нас двое. – Саша погладила себя по животу, вздохнула и снова облизнула ложку. – А ты зачем поднялся в такую рань?

– В саду хорошо... И давно у нас такая погода? – Саша засмеялась:

– Лешка, ну ты даешь! Да уже с неделю! Ты что, гном?

– Почему гном? – слегка обиделся малорослый Леонидов.

– Подземный житель. Сидишь на мешках с деньгами и ни-куда не можешь отойти.

– Разве я маленький и горбатый? Нет, ты посмотри, по-смотри! – Леонидов расправил плечи и втянул живот.

– Да куда там смотреть? Зарядку небось делать давно пе-рестал?

Это была святая правда. Новоиспеченному коммерческо-му директору крупной частной фирмы было не до физкуль-туры.

– Не наступай мне на больную мозоль, – тяжело вздохнул он. – Кстати, я похудел.

– Да? – прищурилась Саша. – Я не заметила.

– Ах ты... – Алексей попытался ее обнять.

– Лешка, отстань! Каша сгорит!

– Все равно мне не достанется, я и бутерброды поем.

– Алексей! Сережка ведь войдет...

– А мы потихоньку... Хочу целоваться... Я соскучился...

И он в самом деле полез к любимой жене с поцелуями.

Она продолжала отбиваться.

– Нечего было спать ночью.

– Сашенька, я не хотел, оно само так получилось. Прилег на минутку, думал тебя дождаться, и – хлоп! Очнулся утром, а ты так сладко спала, что жалко стало будить.

– Устал?

Он тяжело вздохнул:

– Ты же знаешь, я никогда раньше этим не занимался. Но если меня запрягли, я все равно повезу, сколько бы ни навалили на мой воз. Характер такой.

– Не жалеешь, что Серебрякова тебя тогда сманила?

– Нет, Сашенька, меня не сманивали, я сам полез. Хотя на символических дверях в новую жизнь висел огромный плакат с изображением черепа, скрещенных костей и предостерегающей надписью: «Не влезай, убьет!» Поганая вещь – самолюбие. Доходу от него никакого, одни неприятности. Все время что-то кому-то доказываем. Себе же во вред.

– Значит, пожалел? – спросила жена, помешивая кашу.

– Ты-то довольна? Зарплата коммерческого директора –

это тебе не ментовское жалованье. А как вас, три рта, прокормить? – Он погладил Сашу по животу.

– Ох, сварилась уже! – Она, подхватив полотенцем кастрюльку, побежала в дом.

– Сережка, иди есть! – крикнул в окно Алексей.

За завтраком жена сказала:

– Леша, у тебя усталый вид.

– Обычный, – отмахнулся он. – Бессонницей не страдаю, очень даже наоборот. Малыш, ты не переживай, у меня еще огромный невыработанный ресурс организма. Я небольшой, но жилистый, протянем. Кстати, ты не в курсе, что там за шум по ту сторону нашего левого забора?

– Какой шум? – удивилась Саша.

– Подозрительный. Мне кажется, там работает опергруппа.

– Совсем заработался, – покачала головой Саша. – Галлюцинации начались. Да что там может быть, когда такой спокойный человек живет?

– Кто?

– Паша Клишин, писатель.

– И даже так? Просто Паша? Не какой-нибудь Павел ибн Хаттаб, или как там его, а по-семейному: просто сосед Паша.

– Это что? Фу! Ревнуешь? Не поверю!

– Да. Я ревную. Ты здесь уже неделю живешь одна. А за забором Паша. Сколько ему лет? – подозрительно спросил Алексей.

– Мы учились в одной школе, он чуть постарше меня. Наши отцы вместе на заводе работали, в одном цеху. Вот и достались дачные участки рядом.

– Паша, значит. – Леонидов сердито засопел.

– Ну да. И не надо так коситься. Знаешь, какой он красавец? У него от женщин отбоя нет! Зачем ему такая, как я, замужня, да еще и беременная?

– Цену набиваешь! Вот спасибо, утешила! Молодой красавец сосед по имени просто Паша в непосредственной близости от моего сокровища! В одной школе учились, отцы в одном цеху работали. Давняя дружба, значит.

– Между прочим, я тоже помню, какие у вас на фирме девушки работают. Мы еще посмотрим, кто больше имеет права ревновать. Я беременна, а у меня уже есть печальный опыт, как себя ведут мужчины в такой ситуации. Они ищут развлечений на стороне.

– Нашла кого вспомнить! Этого мерзавца! Заневского! Между прочим, самая красивая девушка на фирме – твоя лучшая подруга Анечка Барышева. При ней особенно не разгуляешься. – Он вздохнул и, доедая кашу, поинтересовался: – Так чем занимается твой красавец сосед?

– Я же сказала. Он писатель.

– Да ну!

– Ну да!

– Самый настоящий писатель? Живой писатель?

– А что тебя так удивляет? Писатели – это не марсиане.

– Почти одно и то же. И что он пишет?

– Книги.

– Какие?

– Он прозаик.

– Про заек, значит, пишет. Любитель природы, значит.

– Не остроумно. Шутка с огромной бородой.

– Зато актуально. И что наш дедушка Мазай? Богатый и знаменитый?

– Нет. Он не из знаменитых, – спокойно ответила Саша. – Публикуется мало. И я этому не удивляюсь. Мне не нравится, как он пишет. Это какой-то авангардизм. Или просто бред.

– Он что, сумасшедший?

– Дался тебе этот Клишин! – в сердцах сказала Саша. – Леша, это уже не смешно! Поговорить, что ли, больше не о чем?

– Все. Закончил. Можете предложить свою тему для беседы за завтраком, мадам.

– Помой посуду.

– Что?! Это не тема. Это занятие, причем занятие не для настоящего мужчины!

– Тогда принеси воды. В бочке уже ничего не осталось... Недельный запас мы с Сережкой израсходовали. А теперь хотим мыться. За тобой еще и душ. Это занятие для настоящего мужчины?

– Вот тебе и гимнастика! Ладно, спасибо за кашу. Пойду

исполнять супружеский долг. Что в него входит, кроме обязанностей водоноса?

– Полить помидоры в парнике, терраску изнутри обить фанерой и...

– Все, все, все. А зачем терраску-то?

– Там дует, и ночью комары в щели лезут.

– Хорошо, что не молодые и красивые соседи!

– Ты опять?

– Насчет терраски я Серегу Барышева попрошу. Ты же знаешь, что от меня в этом деле мало толку. А он – парень деревенский. Приедет, и все будет тип-топ.

– Это называется эксплуатация человека человеком.

– Ошибаешься, любовь моя. Это называется дружба.

Алексей вышел в коридор и первым делом заглянул в бочку. Да, действительно. Воды больше нет. Больше нет воды. Как ни крути, а нет ее, и все тут! Ни капли! А до колодца метров сто. Не Сашку же туда гонять! Беременную! Он взял два ведра и вышел на крыльцо. Эх, все равно хорошо! И тут в его душу закралось сомнение: а хорошо ли? Потому что калитка, распахнулась, и коренастый молодой человек в джинсах и светлой рубашке вошел на участок с решительным выражением лица. У Алексея сразу появилось дурное предчувствие. Он знал: именно с таким выражением лица одни люди доставляют другим массу неприятностей.

– Здравствуйте? Вы хозяин? – деловито спросил молодой человек.

– Я хозяин. Добрый день.

Поняв, что разговор будет долгим, Алексей поставил ведра на крыльцо.

– Михин Игорь Павлович, старший оперуполномоченный районного отделения милиции. Вот мои документы.

Алексей взял удостоверение, открыл и усмехнулся:

– Бывает.

Капитан, значит. Итак, встретились два капитана, один из которых бывший.

– Вы это о чем? – насторожился Михин.

– О себе. Так что там случилось на даче у соседа, Игорь Павлович? Убийство?

– А вы откуда знаете?

– Допустим, догадался.

– А документы у догадливого имеются?

– Права. В доме.

– Предъявите.

– Обязательно. Только у нас не допрос? Так я понимаю? И вы не следователь. Может быть, вы мне на слово поверите? Что я Леонидов Алексей Алексеевич, коммерческий директор фирмы «Алексер»?

– Коммерческий директор? Фирмы «Алексер»?

Михин хмыкнул, покосившись на «Жигули» пятой модели. Потом выразительным взором окинул старый дом. Никак не особняк. Да и ремонта требует. Где железные ворота? Газонокосилка? Цветник у порога? Розы с мимозами? До-

рожка, посыпанная гравием? И вообще. «Вообще, коммерческие директора так не живут», – понял этот взгляд Алексея и сказал:

– Люблю, знаете ли, народность. Стилизацию, так сказать. На самом деле это «Мерседес», замаскированный под «Жигули», – он кивнул на машину.

Михин при этих словах позеленел:

– Шутите, значит? Леонидов Алексей Алексеевич? Настроение хорошее?

– Да. Хорошее. Погодка-то сегодня, а? На небе ни облачка! А коммерческий директор я всего-то несколько месяцев. Половину из которых вникал в суть.

– Настроение, значит, хорошее. А вот у меня отвратительное!

– Хотите и мне его испортить?

– Я хочу задать вам несколько вопросов. Относительно вашего соседа.

– А что такое? Мы не были знакомы.

– Как так?

– Да так. Это дача моей жены, я ее увидел впервые два месяца назад.

– Жену?

– Дачу. В отличие от соседа, которого не видел вообще.

– Он что, от вас прятался?

– Может быть. Кстати, а кого убили?

– Его, – мрачно сказал Михин.

– То есть писателя Павла Клишина?!

– Так вы ж его не знали? Выходит, и имя знаете, и кем работал.

– Писатели не работают, – вздохнул Алексей. – Они творят.

– Это мне без разницы. Вас от дома Клишина отделяет только забор. А его убили.

– Забор? – не остался в долгу Алексей.

– Не морочьте мне голову! Не до шуток! Убит ваш сосед.

– Присядем, капитан.

Алексей со вздохом опустился на крыльцо. Как говорится в известном мультфильме, «предчувствия его не обманули». То есть зайца. Недаром вспомнил за завтраком дедушку Мазая. Пиф-паф, ой-ей-ей! А он еще спросил у жены: «Что, живой писатель?» Увы! Теперь уже мертвый.

– Могу сказать точно: я ни при чем. А вы уверены, что криминал? Что Клишина убили? – уже серьезно спросил Алексей.

– Абсолютно! Согласно осмотру места происшествия... – Михин кашлянул, потом поправился: – Сегодня в восемь часов утра тело нашла женщина, которую Павел Клишин нанял для помощи по хозяйству. Время смерти установлено: вчера, в двадцать два часа тридцать минут.

– Так точно?

– Ну, плюс-минус минут двадцать. Где вы были в это время?

– Вчера?

– Да.

– Здесь.

– А ваша жена?

– Разумеется.

– И что вы делали?

– Спали.

– Так рано?

– Знаете, если учесть, что всю неделю мне не доводилось уснуть раньше полуночи, либо вообще до часу ночи, то для меня в самый раз.

– А для вашей жены?

– Она беременна. И устает за день. Да, она тоже рано легла. Раньше меня. И тут же уснула.

Даже если не рано. Даже если не легла. Будет он подставлять Сашку! Да на любого, кто ее тронет, накинется бультерьером!

– Что ж, и вы оба ничего не слышали?

– А что, капитан, стреляли? – таинственным шепотом спросил он.

– А вы разве слышали выстрел?

– На выстрел я бы среагировал. У нас с вами получается разговор глухого с глухим. Вы меня ловите, а я не собираюсь убегать. Потому что ни в чем не виноват. Мне нечего скрывать. Так что там: нож, петля, яд?

– Мне не нравится ваш тон.

– Что поделаешь. Такова уж моя манера общения. Жена тоже жалуется.

– Как я ее понимаю!

– Тем не менее она моя жена.

– Хорошо. – («Еще бы!») – Допустим, его отравили.

А это уже плохо. Лучше бы его убили ребром ладони, перебив шейные позвонки. Тогда бы и его, и Сашу сразу исключили из числа подозреваемых. Ну откуда это дурное предчувствие?

– Цианистый калий?

– Откуда вы знаете? – Михин напрягся.

– Классика, капитан. Классика.

– Вы читаете детективы?

– Скорее, я их пишу, – вздохнул Алексей, вспомнив бывшую работу. Бывало в его практике и такое: смерть от отравления цианистым калием. И уголовное дело, возбужденное именно по этой причине. Да, он когда-то об этом писал целые тома. О трупах.

– Вы что, тоже писатель?

– Графоман. Но с этим уже покончено. Значит, цианистый калий. И достать его не так-то сложно.

– А вам?

– Мой мотив?

– Так вы что, юрист?

– Я человек, чья вина еще не доказана. Есть такая вещь, как презумпция невиновности. А со мной уже разговаривают

так, будто мне предъявлено обвинение.

– Извините.

– Вот это уже лучше.

– Так ваша жена постоянно живет на даче?

– Уже с неделю. Она работает учителем в общеобразовательной школе. У школьников начались каникулы как раз неделю назад, и я перевез беременную супругу с сыном сюда.

– И какие у нее отношения были с покойным?

– Они, кажется, учились в одной школе, – осторожно сказал Алексей.

– А он тоже жил на даче один.

– Могу за него только порадоваться. Мне самому в последнее время катастрофически не хватает одиночества. Жена с вами разговаривать не будет. Пока вы ее не заставите повесткой. А на это нужны основания. И рассказывать о своих отношениях с покойным Саша тоже не будет. Она-то уж точно ни при чем. Все вопросы ко мне.

– Значит, не хотите следствию помочь.

– Хочу. Но еще больше я хочу, чтобы не трогали мою жену. Вы не расслышали? Она беременна. Ей нельзя волноваться. Со мной можете делать все, что угодно, но ее не трогайте. Иначе я приму меры.

– Вот даже как!

– Послушайте, Игорь Павлович...

По старой привычке Леонидов сразу запоминал имена. Когда идешь на контакт и хочешь получить информацию,

ничто так не раздражает собеседника, как небрежное отношение к его имени-отчеству.

– Послушайте, не могли бы вы мне показать... Ну, что там, в доме. Как лежит тело? Обстановка на месте происшествия. Пригласите в качестве понятого, что ли.

– Это еще зачем? У нас уже есть понятая.

– Та пожилая женщина, которую ваш писатель нанял для ведения своего холостяцкого хозяйства?

– Вы ее знаете?

– Ну откуда? Никого я здесь не знаю. Я же вам сказал.

– Тогда с чего вы взяли, что это пожилая женщина, а не молодая девушка?

– Потому что покойный был красавцем, по словам моей жены. Он на даче наверняка от баб отдыхал, зачем ему еще и здесь молодая смазливая домработница? Нет, он должен был приискать особу, которая ему в матери годится.

– Я никак не пойму...

– И не надо. Так можно?

– Что ж, пойдете. Может, вы и вспомните чего. И протокол осмотра места происшествия подпишете. Второго понятого у нас нет, это точно. Следователь сказал, веди соседа и лучше, чтобы был мужик с крепкими нервами. А то домработница ревет белугой.

– Что же вы мне тогда столько времени голову морочите?

– Я вас проверяю, – важно сказал Михин. «Мальчишка! – подумал Алексей. – Молод для капитана. Только-только по-

лучил очередное звание? Новую должность?»

Они вместе вышли на улицу. Вдоль забора рос густой кустарник с колючками и мелкими желтыми цветами. Алексей не сразу даже вспомнил, что это акация, так его выбила из колеи смерть писателя. Не то чтобы Леонидов был полон сострадания к Павлу Клишину. Еще чего! Но Саша! Мало ей досталось! Давно уже Алексей дал себе слово, что отныне будет ограждать жену от общения с представителями законной власти. Что больше никаких следователей, протоколов, опознаний... И вот вам пожалуйста! Подложил им свинью Павел Клишин! А еще писатель называется!

Дача Павла Клишина была последней в ряду домов по правой стороне улицы. Сразу за забором начинался смешанный лес, и грунтовая дорога вела от ворот клишинской дачи к шоссе, засыпанному гравием. Подъездов к дому было два: один с улицы, другой через лес, с противоположной стороны. Та, лесная дорога, была в плохом состоянии. И зачем она там была? Куда вела? Может быть, когда-то по ней выезжали на сенокос либо за дровами? На телеге, не на машине. Но Клишин эту дорожку держал в резерве. Не по ней ли к нему в дом тайно приезжали любовницы? Алексей был уверен, что эта дорога тоже выходит на шоссе. И проехать по ней можно. На хорошей машине с мощным мотором – вполне! Грязновато, конечно, но потом можно и в мойку заехать. Почему-то он был уверен и в том, что любовницы Павла Клишина были из богатых. Такой роскошный парень на мелочи разменивать-

ся не станет. Если Саша, конечно, не преувеличивает насчет его внешности.

Что же касается самой дачи... Как и у Леонидовых, дом был не новый. Всё просто, без затей, по образцу времен строительства развитого социализма. Когда и раздавали заводским эти участки. Но не так давно дом подрубили, подвели под него кирпичный фундамент, заново покрасили, пристроили еще одну террасу, отделали под жилую комнату второй этаж. Словом, на лицо был капитальный ремонт. И закончили его только-только. Пахло масляной краской, влажными опилками. Дом был выкрашен в приятный голубой цвет, в такой же – забор. Имелся на участке и гараж, но ворота его были закрыты. Зато входная дверь распахнута. К ней от ворот вела заасфальтированная дорожка.

Леонидов, стараясь не выдать свою бывшую профессию, осмотрел и калитку, и забор, и дорожку. И подумал: «Скверно! Нет чтобы песочком присыпать! Асфальт положил! Писатель! Да еще и дождичек брызнул. А убили вчера вечером».

– В дом проходите, – сказал Михин. Алексей поднялся на крыльцо.

– Надеюсь, нервы у вас крепкие? – в спину ему спросил капитан.

«Если бы ты знал подробности про мои нервы...» – тайком вздохнул Алексей. Все-таки смерть от яда выглядит куда приятнее разmozженной пулей крупного калибра головы.

Или вспоротого живота.

Опергруппа уже заканчивала работу. На кухне, в самом углу, рыдала женщина лет пятидесяти. Почему так затянули с приглашением второго понятого? Впрочем, всякое бывает. Понятых приглашают только подписать протокол, и те, дрожа от страха, не глядя, ставят свою закорючку в указанном месте. Может, опера просто не хотят, чтобы следы затоптали? Алексей задержался на пороге.

Писатель лежал тут же, в кухне, пальцы его рук были скрючены, словно пытались зацепиться за свежевыкрашенный пол. Густые светлые волосы наполовину закрывали лицо, одна нога была поджата, другая вытянута, голова неловко повернута набок, лицом к углу, где висела небольшая иконка. Понять, настолько ли хорош был Клишин, как говорила Алексею жена, было сложно. Смерть не красит, а поза, в которой лежал покойный, была довольно-таки нелепой. Алексей понял только, что он блондин, скорее худой, чем толстый, и скорее высокий, чем среднего роста.

За столом расположился мужчина средних лет, как понял Алексей, из прокуратуры. Он что-то быстро писал на листе бумаги. Судмедэксперт сидел в плетеном кресле и курил, поглядывая на труп. Видимо, свою работу он уже закончил: окурки аккуратно собраны, бокалы упакованы для отправки на экспертизу, труп дактилоскопирован. Налицо присутствие второго человека. Гостя.

– Проходите, – сказал следователь, увидев новоприбыв-

шего. – Сейчас подпишете протокол.

– А что здесь, собственно, случилось? – спросил Алексей.

– Трудно так сразу понять, да? – усмехнулся следователь.

– Я вижу только, что на полу лежит человек.

– А что он не дышит, видите?

– Да, похоже на то, – продолжал строить из себя дурачка Леонидов. – А что там?

Он кивнул на прикрытую дверь.

– Будто не знаете? – усмехнулся Михин.

– Я же сказал, что никогда здесь раньше не был. Как понятой желаю все осмотреть. Прежде чем подписать протокол.

– Ты смотри, какой грамотный! – с удивлением протянул следователь. – Ладно. Игорь, покажи ему комнату.

– А яд был в вине? – трагическим шепотом спросил Алексей, прежде чем пройти во внутренние помещения.

– Что-о? Игорь? – с укоризной посмотрел на Михина следователь.

– Я ему ничего не говорил! Честное слово!

«Мальчишка», – ласково подумал Алексей. И важно сказал:

– Люблю читать детективы. Там яд обязательно в вине. Ин вино веритас.

– Случайно, расследованием заниматься не любите? – подозрительно посмотрел на него следователь. – Как мисс Марпл?

– Разве я похож на женщину? – оскорбился Леонидов.

– Любопытство у вас прямо-таки женское.

– Я, между прочим, сосед! У меня жена здесь. Целую неделю одна. А вдруг маньяк?

– Эх вы, обыватели: чуть что, сразу в панику, – поморщился следователь. – Послушать вас – так кругом одни маньяки! Видите, они сидели за столом, выпивали. Это был хороший знакомый Павла Клишина. А скорее, знакомая.

– Почему вы так думаете?

– Потому что в одной из рюмок был мятный ликер. Не мужик же его пил!

– А сколько всего было рюмок? – подозрительно спросил Алексей.

– Всего три. Вернее, одна рюмка и два бокала.

«Ну, вот я тебя и раскрутил», – усмехнулся про себя Леонидов и сказал со вздохом:

– Теперь я спокоен. Значит, ин вино веритас. То есть истина в вине. Чтоб поэт умер, отравившись такой гнусностью, как водка? Это было бы неуважением к нему как к личности. Убийца был снисходителен к маленьким слабостям Павла Клишина. И вообще, это был человек благородный. Он...

– Вообще-то в одном из бокалов была водка. А вовсе не вино, – хмыкнул следователь. – Но яд действительно был в вине.

– На троих, значит, соображали. Гляди-ка! – покачал головой Алексей. – Один смаковал, другой хотел напиться, третий рисовался. И по нечаянности или злему умыслу хлеб-

нул вместе с божественным нектаром яд. Вино-то небось не из дешевых?

– «Бордо». Производства Франции. Красное сухое, – кисло сказал следователь, словно бы отхлебнул этого самого «Бордо».

Алексей кинул орлиный взор на буфет. Старье! Фанера на стенках пошла пузырями. За мутным стеклом – графин. И в ряд – дешевого стекла рюмочки. С аляповатыми цветочками. Он кивнул, на буфет:

– А эти почему не берете на экспертизу?

– Они же чистые!

– Вот именно. Чистые.

– Послушайте. Идите вы... в комнату, – не удержался следователь.

– Бегу, бегу! Темные мы, неграмотные. Коммерческие директора, одним словом.

Он шмыгнул в дверь. Михин следом. Приклеился, не оторвать! Как банный лист к спине. Алексей даже чувствовал на затылке горячее дыхание опера. Что ж, как Леонидов и предполагал, в передней был рабочий кабинет Павла Клишина.

У стены – диван для отдыха, у окна – стол, на столе – компьютер. Леонидов подошел и ткнул пальцем в кнопку «Пуск» на системном блоке.

– Э-э-э... – сказал Михин.

– Смотрели уже, Игорь Павлович? Писательские файлы?

– Вообще-то я в компьютерах не очень... – побагровел

капитан. – Думаете, там может быть что-нибудь интересное?

– Спрашиваете! Разгадка тайны!

– Тогда давай. Только при мне.

Алексей опустился на стул, Михин навис за спиной. Леонидов напрягся. Пока они не опомнились, надо бы срубить все к чертям. Вдруг там есть и о Саше? О соседке. Пока не опомнились... На зеленом поле появились знакомые значки. Папки. Ярлыки.

– Рабочее место писателя, – вслух сказал он. – Человек уже не сидит с гусиным пером и чернильницей, пачкая пальчики и царапая лист бумаги. И даже образ творца, нависшего над печатной машинкой, слегка устарел. Прогресс стремительно меняет облик древнейших профессий. Но в подробности вдаваться не будем, Интернет оставим в покое. Тем более что модема среди подключенных устройств я не наблюдаю. Так... «Рабочий стол», очень хорошо. Где, по-вашему, хранит писатель свои шедевры, а? Конечно, в папочке «Мои документы». И что там у нас? Творчество. Вот оно. Смотрите, господин капитан Михин, очень интересный файл под названием «Смерть на даче». Откроем. Пятнадцать страниц, не густо. Это говорит о том, что Павел Клишин как раз над этой вещью и работал последнее время. Открываем. «Файл». Там у нас пунктик под названием «Сводка», а в нем есть опция, именуемая «Статистика». Вот так:

Леонидов щелкнул мышкой. И прочитал:
файл: Смерть. 1. DOC

каталог: C:\WINDOWS\ Мои док.1.

создан: 1.01. 10.33 сохранен: 3.06. 20.50 кто сохранил: даже число сохранений: 122.

– И что вся эта тарабарщина означает? – Михин напряженно уставился в монитор.

– Перевожу с русского письменного на русский устный. Означает это, многоуважаемый Игорь Павлович, что за пять месяцев до своей смерти писатель Павел Клишин начал работать над весьма занимательной вещью. Уж не знаю, повесть это или роман, но название впечатляющее: «Смерть на даче». Это мы с вами пили в ночь с тридцать первого декабря на первое января водку, а на следующее утро отсыпались до часу дня. Потом доедали пропитанные майонезом салаты и похмелялись. – При этих словах Алексей Михин хмыкнул. – А он работал.

В первый же день этого года, в половине одиннадцатого утра Клишин уже начал корябать шедевр, оказавшийся прощеским. И в тот день, когда его убили, тоже писал... а кстати, из чего вы сделали вывод, что его убили?

– В доме следы посторонних людей, на столе два бокала и одна рюмка, много чужих впечатков, да и приходящая домработница говорит, что Павел Андреевич кого-то ждал...

– Так вот, пока он ждал, открыл эту самую «Смерть на даче» и стал с ней работать. И, вероятнее всего, именно это занятие и прервала его собственная смерть. Ну-ка, что там у нас: «...Пальцы мои скрючены...»

Леонидов успел дочитать только до слов: «Мое тело лежит...», как Михин спохватился:

– Э-э-э... Не положено! Как все это убрать?

– А можно мне это себе на дискетку скопировать? Тут целая коробка такого добра, не пожалейте! Уж очень впечатляет.

– Все это будет опечатано, а потом отдано наследникам, в законное пользование. Нечего вам сюда лезть. Не имею права. – Ретивый оперуполномоченный прижал правую руку Алексея к столу. Блокируя пользование «мышью».

– Хоть дочитать дайте эти пятнадцать страниц, что вам, жалко? – взмолился Алексей. – Интересные вещи пишет покойник! И как образно выражается! Даже мурашки по коже! Может, это и называется талант? А? Кстати, и про цианистый калий пишет, им, мол, отравили. Как вам?

– Я сам почитаю. Сейчас скажу следователю. Он распечатает.

– Осторожно только. – Алексей высвободил руку. – Не сотрите ненароком файл. – Он уже понял, что о Саше ничего нет, и успокоился. Это какие-то писательские бредни. Авангардизм. – Лучше скопировать текст «Смерти» на всякий случай на несколько дискет, – посоветовал он. – Хотя я уверен, во-первых, в том, что это и скопировано и распечатано на бумаге, а во-вторых, что это только отрывок. Львиная доля «Смерти...» почему-то стерта или перенесена на другой носитель и кому-то отдана. Может, даже в редакцию.

– С чего такая уверенность?

– Не мог же человек забросить сей шедевр уже на пятнадцатой странице! То есть начать писать и вспомнить о книге только через пять месяцев. Посмотрите на число сохранений: 122!

– Ну и что?

– А то, что этот файл открывали по меньшей мере 122 раза, и все 122 раза делали в нем изменения. Что же он, каждое слово, что ли, по столько раз исправлял? Этот факт говорит о долгой, кропотливой работе над вещью. Так я думаю, хотя я и не писатель.

– Где же все остальное?

– Ищите. Но если такой роман действительно существует, то это будет самое странное дело из всех, которые я знал.

Тут Леонидов сообразил, что проболтался. Михин уставился на него с интересом:

– А много дел вы знали? Так кто вы на самом деле?

– Человек. Коммерческий директор фирмы «Алексер», я же вам уже сказал. Можете позвонить по месту моей работы. Там подтвердят.

– Почему ушли из органов? – сурово спросил Михин.

– Вы вторгаетесь в частную жизнь. – Алексей поднялся со стула. – Займитесь лучше записями потерпевшего, а мою персону оставим пока в покое. Я отдыхать сюда приехал, и, между прочим, мне с понедельника опять пахать. Есть ко мне еще вопросы?

– Появятся.

– Когда появятся, заходите. А если нет – всего хорошего.

Моей жене в ее положении очень вредно волноваться.

– Не забудьте подписать протокол.

– Не забуду, – пообещал Алексей и направился к выходу.

Самое интересное уже случилось: он нашел «Смерть...».

У старого комода Леонидов задержался. Потому что увидел фотографию. На фотографии был улыбающийся блондин. Алексей понял, что это хозяин дома, тот самый Павел Клишин. Не удержавшись, Леонидов взял в руки фотографию и невольно почувствовал зависть: «Да, хорош!»

Даже если Павел Клишин был просто невероятно фотогеничен, этого уже хватило бы с лихвой для того, чтобы позировать для обложек гламурных журналов. Лицо этого парня притягивало, словно магнит. Магнетический взгляд ярко-синих глаз наверняка парализовал женскую волю. Хотелось в них утонуть и хотя бы в смерти почувствовать блаженство обладания сим ярким образцом мужественности и мужской харизмы. Павел Клишин был ярким блондином, а если уж вдаваться в поэтические сравнения, волосы его были золотыми, губы алыми, зубы белыми, и вообще, весь он был такой же, как джентльмен с рекламного плаката зубной пасты. Чистенький, внушающий доверие и желание обязательно эту самую пасту купить.

Тут же, на комод, лежали и другие фотографии. Поскольку Михин его сразу не остановил, Алексей взял всю пачку.

Быстро перебрав ее, он пришел в уныние. Наделила же кого-то природа! На большинстве фотографий рядом с писателем были женщины. Женщины и еще раз женщины: разных мастей, возрастов, объемов груди и бедер и в количестве достаточном, чтобы Леонидов понял – следствию придется туго.

«Похоже, это был не человек, а толстенный любовный роман! При таких-то физических данных! В плавках тут его нигде нет?»

На южных фотографиях Клишин был и в плавках, и даже в весьма откровенных. Потому что скрывать физические недостатки ему не было нужды: у него почти не было этих самых недостатков. Строен, тонок в талии, но с плечами широкими, как и полагается настоящему мужчине. Брюшной пресс и плечевой пояс наводили на мысль о регулярных занятиях в тренажерном зале. Участки клишинской кожи, не защищенные одеждой, радовали взор изумительным золотистым загаром, который бывает только у натуральных блондинов. «Южный» Клишин походил на спелый персик. Аппетитный, сочный, покрытый золотистым пушком. Так и хотелось его съесть.

«Черт его знает, зачем он писатель? Нижнее белье бы лучше по телику рекламировал или презервативы! Бывает же такое!» – мелькнула завистливая мысль, пока Михин вставал из-за стола, чтобы отобрать у нахального понятого фотографии.

– Ох, и долго же вам придется устанавливать, ху из ху здесь! – позлорадствовал Алексей. – Запаритесь, бедняжки!

Очутившись в кухне, он еще раз бросил взгляд на мертвое тело: смерть съела с лица Павла яркие краски, а значит, и суть его редкой фотогеничности и физической привлекательности. Желтое, синее, алое, белое... Клишин подурнел. Лежал на полу серый, тусклый, и стало заметно, что рот у него великоват, нос не слишком-то ровный, а скорее курносый, лоб чересчур выпуклый, а глаза не очень-то и большие.

Алексей подписал протокол. Все, что положено, они сделали. Остается надеяться, что раскроют убийство по горячим следам. У такого мужчины должно быть много врагов. Брошенные им женщины, обманутые мужья...

В калитку Леонидов не пошел, к чему делать крюк? Свернул с асфальтовой дорожки к покосившемуся забору и лихо перемахнул на ту сторону. Саша, нагнувшись над грядкой, ойкнула испуганно и распрямилась:

– Ты что?! Пугаешь меня!

– Представляешь, твоего замечательного соседа убили!

– Леша! – охнула жена. – Не может быть!

– А чего это ты так разволновалась? Клишина, что ли, жалко?

– Жалко конечно! Но я не о Паше. Ты на себя посмотри!

– А что?

– Узнаю этот блеск в глазах. Отвратительно! Неужели не прошло? Не наигрался в «казаки-разбойники»?

– Да с чего ты взяла? – пробормотал он.

– Тебя просто распирает влезть в это дело. Я же вижу! – в сердцах сказала жена. – Не смей! Слышишь?

– Не собираюсь я никуда влезать, – надулся Алексей.

– Да? Правда?

– Конечно, дурочка! Я уже сказал, что ничего не знаю, что мы с тобой крепко спали. Они сами во всем разберутся. Или не разберутся. Какая мне разница? Хотя, черт возьми, какое же интересное дело! Нет, ты подумай! Он сам написал, что его отравили! И именно цианистым калием!

Прочитанный отрывок из «Смерти на даче» произвел на Алексея неизгладимое впечатление. Неужели же человек заранее знал, кто его отравит? И знал чем?

Но почему же тогда Клишин отпил из бокала? Все это очень и очень странно. Где бы добыть оставшуюся «Смерть»?

2

День прошел спокойно. После полудня «гости» Клишина уехали, за забором стало тихо. Алексей же провел остаток дня в огороде, где были разбиты грядки с овощами и зеленью. Уехавшая в санаторий мама наказала нерадивому сыну пропалывать их и надеялась, что до ее приезда они не слишком зарастут сорняками. Леонидов невольно хмыкнул. Коммерческому директору копать в земле? На кой ему эта

морковка? И помидоры в теплице? Все закончится так же, как и всегда: если будет жарко, огурцы засохнут, холодно и дождь – сгниют. Помидоры съест тля, капусту – гусеницы белых бабочек, которые так и называются: «капустницы». Потом те же гусеницы доедят то, что не доела тля. Уважал Леонидов только кабачки, которые почему-то не едят вредители. Поэтому эти овощи вырастают до гигантских размеров, а после раздаются тем соседям, которые умнее остальных. То есть вообще ничего не выращивают, а имеют то же, что и все, – кабачки на своем столе.

Но это было субъективное мнение А. А. Леонидова, которое жена не разделяла. И, несмотря на запрет, старалась пропалывать грядки тайком. Чтобы не допустить этого, Алексей принес в сад раскладушку и, раздевшись до плавок, растянулся на ней. Вокруг были сплошные цветущие одуванчики, а в голове то, что остается от них после цветения – белый пух. Мысли Алексея все как одна были невесомые и из породы сорняков. «Родное Подмосковье – это зона рискованного земледелия. Так почему я каждый год должен рисковать своим здоровьем и деньгами? Семена купи, пленку на теплицу купи, отраву для тли купи... Универсальной нет. То, отчего дохнут муравьи, не действует на бабочек. На тлю не действует ничего, кроме дихлофоса, который в свою очередь действует на помидоры. Помидоры становятся несъедобными. Я с места сегодня не сдвинусь. Воды в душ натаскаю, когда будет не так жарко. К вечеру. А щели в терраске фанерой

забьет Серега Барышев. Ему в удовольствие, он по деревне скучает...»

За такими крамольными мыслями и застучала его Саша:

– Лежишь?

Он вздрогнул и открыл глаза:

– Да. А что?

– Я знаю, о чем ты думаешь, Лешка.

– О чем?

– О смысле жизни, вернее, о бессмысленности своей сегодняшней работы на благо будущего урожая. Где лопата?

Мать честная! Ему же велено сделать грядку! Надо кого-то там рассадить. Слова «посадить» и «рассадить» для Леонидова всегда были одушевленными. Он слишком долго занимался криминалом.

– Так где же лопата? – снова спросила Саша.

– Близко, – сказал он, зевнув.

– Достаточно близко для того, чтобы ее схватить, когда на горизонте появится жена, но совершенно недостаточно для того, чтобы дело сдвинулось с мертвой точки.

– Ах, отстаньте, Александра Викторовна! Мы принимаем солнечные ванны! Я куплю тебе огурцов. Столько, сколько захочешь...

– Мне приятнее есть, когда свое.

– Тогда съешь меня. Я – свой. Родной и близкий.

– Леша, Леша...

– Ешь меня поедом, родная, только не заставляй копать

землю.

Жена улыбнулась, простила и сказала:

– Пойдем ужинать, а?

– Уже ужинать? – жалобно воскликнул он. – Разве вечер?

– Что, жалко день так быстро прошел?

– Еще бы! Выходные не проходят, а прямо пролетают! А тут еще этот твой сосед...

Пока Александра ставила на стол вареную картошку, посыпанную молодым укропом, салат из помидоров-огурцов, селедочку и початую бутылку водки, Алексей задумчиво рассматривал цветы на клеенке и молчал.

– О чем думаешь? – Саша наконец села за стол.

– А где Сережка? – очнулся Леонидов.

– Он наспех поел и умчался на тот конец поселка, к другу.

– Ему здесь хорошо?

– Любому ребенку за городом хорошо. Так о чем ты так задумался?

– Да я все насчет писателя...

– Все-таки задело?

– Дело интересное.

– Водки выпьешь?

– Как ты узнала, что я хочу выпить?

Она улыбнулась и пододвинула к нему рюмку. Леонидов выпил и закусил селедочкой, захрустел лучком. А жизнь-то налаживается!

– Недавно я смотрел телевизор, – сказал он. – Передача

была о литературе...

– Ты и такие смотришь? – подколола жена, как раз таки учитель литературы.

– Речь шла о загадке смерти какого-то гения.

– Тогда понятно! Уж если загадка смерти...

– Смейся, смейся! Дело в том, что там сказали, будто бы существует теория Эйнштейна о том, что настоящий, гениальный писатель или поэт – сгусток непонятной энергии и вроде как ее проводник. Или особое, притягивающее эту энергию тело. И будто бы другие тела, которые попадают в его орбиту, могут изменить назначенное им движение.

– Ну и что?

– Понимаешь, сила прозрения таких людей настолько велика, что они способны даже предсказать собственную смерть. Только изменить ничего не могут. Вот знает человек, где и когда его убьют, но в назначенный день его туда тянет неодолимо.

– Все равно не понимаю, к чему ты клонишь?

– Передачу я видел давно, – Алексей невольно вздохнул. – А сегодня меня поразило то, что я прочитал у Клишина. Он описал, как лежит мертвый, и то, что его отравили именно цианистым калием, представляешь? Там еще дальше было: «Мое тело лежит...» А потом Михин меня отогнал от компьютера... И что ты про это думаешь?

– Знаешь, Леша, основное условие, при котором твои домыслы верны, – это гениальность Павла. Или, по крайней

мере, наличие у него очень большого таланта. Я читала его вещи. Конечно, я всего лишь учитель, не критик, и не литературовед, но...

– Что но?

– Это не то. Это похоже на бред. А местами я бы даже сказала – отвратительно! – Сашу невольно передернуло.

– Все гениальное сначала воспринимается современниками в штыки. Это потом начинаются дифирамбы, ахи-вздохи. А поначалу только гонения и хула.

– Не знаю. Мне не нравится, как он пишет. Впрочем, тебе стоит почитать, чтобы оставить свою блестящую догадку.

– А что он был за человек?

– Я не настолько хорошо его знала, – замялась Саша.

– Ну, хотя бы в школе? Каким он был?

– Звезда, без сомнения. Но... Злая звезда. Помнишь сказку Оскара Уайльда? «Звездный мальчик»? Красивый принц, звездой упавший с неба, смеется надо всеми, совершает отвратительные поступки и потом в наказание превращается в уродца. И только тогда начинает быть к людям добрее. Так вот, Клишину не помешало бы повторить судьбу этого принца.

– Что, он был таким злым?

– Павел Клишин был неприятным человеком. В общении. Редкой красоты мужчина, пока молчит. Им любишься. Но когда он открывает рот, оттуда словно жабы сыплются. Жабы и змеи. И все очарование пропадает.

– А его талант? В чем была звездность Клишина?

– Еще в школе он писал неплохие для своего возраста стихи. Пародии писал на одноклассников, а потом еще и зачитывал их на школьных вечерах. Все смеялись, конечно. Это было необыкновенно остроумно, но зло. Очень зло. Я даже помню некоторые строчки. Переписывала тайком, как и все, из школьных стенгазет, где эти пародии потом появлялись. Все девочки были влюблены в Пашу Клишина.

– Ну-ка, ну-ка?

– Одна пародия называлась «Почти по Маяковскому». На парня, который не умел писать сочинения. Начало стандартное: «Я волком бы выгрыз бюрократизм, к бумагам почтения нету, к любым чертям с матерями катись любая бумажка, но эту...», а дальше уже от Паши:

*К столу сочиненья ребята несут,
живой вереницей движутся.*

*Сдают сочиненья, и он сдает свою
не тощую книжищу.*

*К одним сочиненьям – улыбка у рта, к другим —
отношение плевое.*

*С опаской берут, например, когда,
подписано Гришинным Вовою.*

Берут, как бомбу, берут, как ежа...

Ну и так далее. Помнишь небось все в школе учили?

– Ха-ха! Смешно! А еще?

– Ну, еще про нашего комсорга, тоже под Маяковского:

*На земле бумаг до неба,
В синем небе звезд до черта.
Если б я комсоргом не был,
Я бы стал бы звездочетом...*

А дальше о его пустозвонстве и мечтательности.

– Клишин что, Маяковским увлекался?

– Нет, почему? Были и другие пародии. «Почти по Пушкину», например, про одного двоечника:

*Сижусь в этом классе, как в клетке сырой,
И жду, когда Кобра отпустит домой.*

– Кобра – кличка нашей химички.

*Мой верный товарищ, тетрадный листок,
Все стерпит, что я нарисую в урок...*

И так далее.

– Смешно!

– Разные были пародии, каждый месяц они появлялись в школьной стенгазете. И там сразу же собиралась толпа.

– И чего ж тут злого?

– Это сейчас нам, взрослым, кажется, что мило, весело и безобидно. А когда подростки... и если читают при всех?

Вслух? Происходит процесс формирования личности, а про твои недостатки вдруг узнают все и начинают смеяться. Дети ведь безжалостны. Пашу даже пытались бить.

– Получалось?

– Он в старших классах тяжелой атлетикой увлекся. Говорили, напал, мол, «бзик» физического совершенства.

– Что такое «бзик»?

– Очередная бредовая идея. Клишин весь состоял из этих «бзиков», постоянно придумывал себе новый путь к совершенству. То в нирвану прямо на уроке впадет, то вобьет себе в голову, что форма должна гармонировать с содержанием. Сила воли у Павла еще в школе была потрясающая. Он бросался на штангу с таким остервенением, будто это последний барьер между ним и мировой славой. Во всяком случае, избить его было не просто, не многие рисковали.

– Девочки, наверное, просто с ума сходили?

– Еще бы! Представляешь, каким Паша стал после года упражнений со штангой? Мистер Олимпия, разделяющийся с рифмами, как повар в китайском ресторане с живой рыбой. Видел по телевизору, как они ножами орудуют? Вот так же и Паша – со словами: вскрыет, обрежет, почистит и швырнет на раскаленный металлический лист: «Готово!».

– Образно. Значит, был-таки талант?

– Преподаватели литературы прочили Павлу великое будущее, – усмехнулась Саша. – И даже парту, за которой он сидел, берегли. Для мемориальной таблички, не иначе. Но

все равно, Паша был подлец, – в сердцах сказала жена.

– Это еще что? Обида?

– А зачем он гадости говорил?

– Тебе?

– Всем. Там были еще и пародии на влюбленных девочек, и вообще... Павел выставлял их дурами, смеялся над ошибками в любовных записках и над их содержанием. Он еще говорил: «Пойду на свидание только к той, достойной, которая напишет маленький литературный шедевр».

– Нашел такую?

– Знаешь, Леша, ты увлекся. Теория твоя – бред. Не знаю, кого там подгоняли под какую теорию, только Клишин не подходит. Ничего он предсказать не мог и никаким гением не был.

– Что-то мне не нравится твой тон...

– Все! Слышишь? Не желаю! Хочу смотреть телевизор и говорить о приятных вещах!

– Хорошо... Спасибо за ужин и за интересный рассказ.

Посуду помыть?

– Я пока еще не очень беременная.

– То есть?

– Животик маленький, мне не мешает. Сама помою.

– Смотри... Пойду по программам пошарю, новости послушаю. Может, революция свершилась? К власти пришли красные и мне уже пора обратно в органы, чтобы прокормить семью? – пошутил он.

Леонидов так и не понял, почему Александра так резко оборвала разговор о Клишине. Что-то здесь не то. Ах, Сашка! Темнишь! Сердце Алексея вновь начал точить червячок ревности. Какому мужу хочется быть рогатым? И эти фотографии... Пусть Клишин был подлец, но зато какой красавчик!.. Может женщина устоять против такого соблазна? Вряд ли. Неделю его с Александрой разделял только забор! Неделю! А Сережка целыми днями у друга, на другом конце поселка.

Алексей сидел в комнате молча, уставившись в телевизор. Он ревновал, отчаянно, понимал, что это глупо, и ревновал еще сильнее. В душе у него все равно кипело. Он сдерживался, пока «Времечко» не рассказало про этого кота. Позвонила какая-то девушка и, рыдая, поведала печальную историю о том, что на окраине Битцевского лесопарка, где она гуляла с молодым человеком, сидит на сосне кот. И не может слезть оттуда уже девять дней. Его хозяйка – бедная старушка – плачет, потому что не в состоянии заплатить ни спасателям, которые требуют денег, ни другим службам, с длинными лестницами. Дорого.

Потом в передачу звонило много людей, и хотя были и другие сюжеты, например, про папашу, придушившего новорожденного младенца, про махинации с пивом, вместо которого в бутылки льют разведенный шампунь, всех взволновала именно судьба бедного животного! Все рыдали по этому коту, и жена Александра тоже разохалась и прослезилась:

– Нет, Леша, какие жестокие люди! Как же он там девять дней сидит и без еды?

– Плохой кот. За каким лешим он на эту сосну залез, если домашний?

– Тебе его не жалко? А что он там пьет?

– Морду под дождевые капли подставляет. Ему хватает.

– Тебе кота не жалко?!

– Это называется «естественный отбор»: не можешь слезть с сосны, значит, плохой кот.

– Что ты говоришь?! – Саша почти плакала. Леонидов подзревал, что беременные женщины становятся жалостливыми и слезливыми, он очень любил свою жену, но дело было даже не в коте. Вернее, совсем не в коте.

– А ты представь, что я тоже сижу на высокой сосне, которая называется фирма «Алексер», ору так же душераздирающе, как этот самый кот, и тоже не могу слезть? Кому меня жалко? Кто разрывает телефон звонками и предлагает деньги, чтобы оплатить спасателей?

– Тебя туда никто не гнал...

– А его кто гнал на сосну?! И вообще, кто-нибудь кого-нибудь куда-нибудь насильно загоняет? Сами лезем, но жалеем почему-то бессловесную тварь! Кота! А мне младенца жалко! Людей, которые травятся шампунем, покупая его как пиво! Почему все так убиваются по коту?!

– Вот! Я так и знала! Стоило только появиться рядом с тобой труп, и ты... Опять! Господи! – Саша уже по-настоя-

щему расплакалась и взялась руками за живот. Алексей испугался.

– Все, милая. Я молчу. Все, Саша... Александра, слышишь?

– Это не я виновата! – рыдала она. – Ты сам...

– Конечно, сам.

– Можешь там больше не работать...

– Конечно, могу.

– Ты это сделаешь?!

– Нет, успокойся ты.

– А вдруг у меня не будет молока? Как мы его прокормим? Нашего ребенка?

– Было же в первый раз?

– А вдруг?

– Хватит плакать. У тебя будет все самое лучшее, клянусь! Я не буду орать на своей сосне, спасателям тебе платить не придется. Я все-таки не такой домашний кот, мне приходилось слезать с деревьев и повыше. Не реви, Сашка, ну, не реви. Давай не будем, а?

– Хорошо, не будем. Просто мне страшно.

– Это в твоем состоянии естественно. Забудь про этого писателя, я ни слова больше не скажу. И даже о нем не вспомню. И на пушечный выстрел к его дому не подойду. Иди, ложись спать.

– А ты?

– Я Сережку домой загоню, посмотрю еще немного теле-

визор и лягу.

Она опять заплакала.

– Теперь чего?

– Жалко тебя...

– Все, иди спать. Потом ты начнешь реветь по жертвам войны в Югославии, еще через десять минут убиваться обо всех бездомных, детях. Это, конечно, правильно и понятно, но твоя задача сейчас успокоиться и подумать о своем собственном ребенке. А уж мы, несчастные орущие коты, будем решать мировые проблемы. – Он вздохнул и пошел в сиреневые сумерки, искать Сережку.

3

Он вернулся на следующий же день, капитан Михин Игорь Павлович. Вошел в калитку с тем самым выражением лица. С которым одни люди доставляют другим большие неприятности. Окинул взглядом лужайку около дома и сам дом, на стенах которого облупилась зеленая краска, из-за чего он был похож на больного стригущим лишаем. Потом увидел хозяина. Выражение лица капитана Михина стало еще жестче. Будто бы тот поймал воришку с поличным. «Воришка», то есть А. А. Леонидов, невольно насторожился.

– Здравствуйте, Игорь Павлович. Вы к нам?

– К вам. К вам лично.

– И за что такая честь?

Михин тянуть не стал, спросил сразу и в лоб:

– А какие отношения у Павла Андреевича Клишина были с вашей женой?

– Обычные, соседские. – Леонидов все еще боялся поверить. Неужели он ошибся? И дальше все-таки про Сашу?

– А если вы прочитаете это?

Машинально Алексей пересчитал протянутые ему листки. Их было не пятнадцать. Гораздо меньше. Но и этого вполне хватило, чтобы он почувствовал, как земля уплыла из-под ног. Потому что на протянутых ему Михиным листках Алексей прочитал следующее:

«Смерть на даче». Отрывок

«...Моя дачка расположена в живописнейшем месте: куда ни кинь взор, везде леса и поля, поля и леса. Леса на вид похожи на леса, а поля – на плитки соевого шоколада, такие же безвкусные и ненастоящие, лишенные плодородного слоя, отчего на них ничего и не растет. Зато лес действительно хорош – ароматный, как зеленый чай, и такой же полезный для измученного кислородным голоданием организма. Надо чаще гулять в лесу и насыщаться им на всю долгую-предолгую зиму. Что-то потянуло меня на гастрономические сравнения, хотя позавтракал я плотно. На природе у меня просыпается зверский аппетит, я даже боюсь располнеть. Но не это главная моя проблема. Все было бы ничего, если бы

не соседи. Соседи по дачному участку – это беда. Соседи, зарывшиеся в свои грядки, как кроты. Какая пошлость! Не знаю, как быстро плодятся последние, но эти преобразователи плодородного слоя планеты с каждым годом становятся все вреднее. И количество их растет. Они уничтожают буйную растительность и сажают вместо нее ту, которую только и можно, что жрать. А годится для процесса пищеварения, как оказывается, очень многое. Вот и появляются рядом со мной все новые грядки и новые дачи, а по выходным покой даже не снится, потому что роскошью становится сам сон. Приехав на дачу, эти животные, эти кролики, эти кроты первым делом напиваются, как свиньи, и всю ночь орут «Виновата ли я...» Виноват ли я, что мне приходится это слушать?

Один такой соседский экземпляр я наблюдал вчера сквозь ветви старых вишен: маленький тощий мужичонка с красными от перепоя глазами, одетый в спортивный костюм липовой фирмы «Адидас». Меня тошнит от этого так называемого «среднего класса». Этот выскочка даже не в состоянии отличить липовый «Адидас» от настоящего! Он приехал на «Жигулях»! Подумать только! А ведь коммерческий директор! Что это за фирма такая, где не могут должным образом оплатить услуги коммерческого директора? Скорее, это фирмочка. Фирмашка. А он не директор, а директорок. Я узнал о его должности от его же жены. Эта бабенка, у которой теперь уже заметно выпирает живот (надо

же чем-то удержатъ кормящего мужа!), бегала за мной когда-то, как кошка. Да и сейчас не прочь. Впрочем, она смазлива и не глупа. Жаль, что общение с ней не оставило мне приятных воспоминаний. Разве что школьные... Порывшись в памяти, я даже вспомнил ее имя: Александра. Мы с ней «гуляли» в старших классах. «Гуляли» – это такое смешное слово, которым подростки обозначают определенного рода контакты между созревшими в половом отношении и весьма зелеными в моральном особями противоположного пола. Вот и с этой Александрой у меня было несколько приятных мгновений и много пустых разговоров о том, что вообще надо делать без лишних слов. Кажется тогда, много лет назад, я даже ее послал далеко и надолго, устав просвещать в вопросах отношения полов.

Я не помню подробности именно этого моего романа. Их было так много, этих влюбленных девочек! Но она и до сих пор не перестала вешаться мне на шею. «Чем меньше, тем больше», согласно формуле, выведенной нашим классиком, круглая дата рождения которого стала в этом году поводом для массовых народных гуляний. Стоит быть великим, чтобы даже после смерти спаивать свой народ! Но мы сейчас не о литературе, а о поводе для творчества, т. е. о любви. Есть любовь – есть повод писать. Нет любви – есть повод быть счастливым.

И почему наши дачи оказались рядом? Просто напасть! Как только она приехала, у меня испортилось настроение.

Я сразу понял: будет мешать работать, заглядывать через забор и делать вид, что у нее дымит труба либо течет крыша. Скорее всего, сама проделает в ней дыру, чтобы затащить меня в дом. «Ах, нет ли у вас соли?», «Боже мой, закончились спички, нечем плитку разжечь!» Нате вам, пожалуйста, зажигалку. «Ах, Паша, ты ничуть не изменился! Быть может, зайдешь? Запросто, по-соседски?»...

...Так оно и вышло: мне пришлось прийти в их дом. Не отвертелся. Этот коммерческий директорок мог бы получше обеспечивать семью. Пол местами провалился, печь треснула. Понятно, силенок не хватает. Ни починить, ни денег заработать. Мне даже стало жаль беременную женщину. Конечно, я попытался что-то сделать, мне это не слишком-то удалось, но не денег же ей предлагать? На новую печь. Потом была неизменная чашечка кофе, ностальгические воспоминания о школе, о нашем неудачном романе, о том, как она даже пыталась из-за меня травиться, но вместо яда по ошибке наглоталась слабительного и целый день просидела в туалете.

Я смеялся, потому что эта Саша была временами мила, а глаза у нее такие же синие, как и у меня. Обожаю этот цвет! Имеется в виду цвет глаз. Но на этом наше сходство заканчивается. Ее сын убежал гулять, мы были одни. И мне не составило ни труда, ни отворачивания поцеловать ее и сделать вид, что я все понимаю. Почему бы не воспользоваться моментом? Она ведь все равно не отстанет. У меня дав-

но не случался секс с беременными женщинами, стало вдруг интересно. А все было так просто и откровенно, что потом мне вдруг стало скучно.

Да, я любвеобилен и не против маленьких приключений, случайных страстных ночей. Но с достойным противником, который не будет драматизировать ситуацию. Любовь с радостью, но разлука без печали. Поэтому я очень осторожен, я вижу таких же чувственных телом и мертвых душой женщин по особому взгляду, который блестит, подобно нефтяному пятну на чистой воде. Рот этих женщин слегка приоткрыт, так же как и их стройные ножки открыты ультракороткими юбками. И в каждом их движении такая власть, что не жалко отдаться на милость победителя, впрочем, с правом выкупа из плена. Это как у Киплинга: «Мы с тобой одной крови, ты и я...» Эта кровь, эта порода охотников за удовольствием чувствуется сразу. А главное, что они не покушаются на мою свободу.

Так вот, я отвлекся. В этой женщине, в этой Александре, нет моей крови, она обычная домашняя курица, довольно-таки милая, но скучная до безобразия. Да и самой ей скучно жить. Соседа нет, и бедную женщину просто жалко. Я немного ее развлек, сделал такое одолжение. А зачем я вообще это сделал? А просто так! Минутный порыв. Или минутная слабость. Как хотите.

Жаль, что я не люблю описывать подробности интимных отношений между мужчиной и женщиной. Все эти гу-

бы взасос, долгие старания его над ее грудью, потом восторг сладкого Ущелья, плавание в океане любви и рае, развершемся прямо на грешной земле, а конкретно, на какой-нибудь кровати, траве, песке, тигровой шкуре... Это уже в зависимости от фантазии автора. В этом так же мало реальности, как в выигранном лотерейном билете, единственном на многомиллионный тираж. Ха-ха! Ну было и было, ничего особо райского я не вкусил, не стоило есть то яблоко, из-за которого Адама и Еву изгнал с небес Господь. Да мужику, по моему мнению, не очень-то и хотелось, все проклятая прародительница-баба. А заканчивается это всегда одним и тем же: «Тебе понравилось, милый?» Нет. Мне не понравилось. Потому что никаких новых открытий я для себя не сделал. Наверное, пора попробовать что-нибудь экзотическое, нестандартное в плане размера, роста и дежурного набора конечностей. Есть ли у кого-нибудь имплантированные щупальца? Надо дать объявление в газету. А лучше в Интернет. Авось откликнутся инопланетяне!

Плохо только, что у нее есть муж, бывший мент, наверняка такой же тупой, как все представители этой мало интеллектуальной профессии. Которые, согласно анекдоту, проверяют наличие спичек в коробке, тряся перед ним своею собственной головой. Как он попал в коммерческие директора, интересно? Может, это оплата за очень деликатную услугу: подсуется найти преступника, на которого

можно свалить чужую вину. Но это не такая уж редкость в нашем «правовом» государстве. Вот с этим мужиком не стоило бы связываться, он ревнив и наверняка не очень разборчив в средствах. Все они такие в ментовке! А жена его слишком болтлива, склонна к слезам и раскаяниям. Да еще беременна!

Интересно, может он достать цианистый калий? Еще бы! Человек, который ежедневно добывает для фирмы выгодные контракты, в состоянии добыть лично для себя ампулу с ядом, чтобы отомстить соседу. Наградившему его ветвистыми рогами. Можно предположить, что господа офицеры предпочитают пистолет или шпагу. Но это пережитки прошлого, и зачем нужен необоснованный риск? Кстати, я видел, как сегодня, т. е. четвертого июня, этот мужик вновь приехал на своих бежевых «Жигулях». Я ошибся поначалу: он хитрый. Отнюдь не простак. Но я же не знал, что он бывший мент! Он маскируется, не ездит на дорогой иномарке, делает вид, что зарабатывает мало и грабить его незачем, но это все туфта. «Не верю!» – как говорил Станиславский плохому актеру. Сегодня этой классической фразы заслужил своим стилем жизни каждый второй. И конечно, женеюшка уже проболталась насчет меня, потому что после ужина сосед посмотрел на мой забор и воровато оглянулся: не видит ли кто? Потом нырнул прямо под вишни и через жидкий итакетник перемахнул на мой участок. Не ссориться же из-за бабы с представителем своей,

мужицкой, породы? Тем более что это была случайность, которая ничего для меня не значила. Так, эпизод. И если бы он просто попытался набить мне морду, мы разошлись бы с миром. Но этот тип, похоже, не из тех, кто идет на компромиссы, он был настроен решительно, когда я пригласил его выпить со мной водки. Вина не решился предложить, потому что толку нет губить деликатный напиток в таких свинских желудках. Мы сели, я налил ему водки и отошел к окну, чтобы его открыть, потому что собирался курить.

Конечно, я не видел, как он подсыпал яд, иначе разве стал бы пить вино? Да ни за что! Умереть от руки бывшего мента? Какая пошлость! Я ведь надеялся, что без разговора по душам покушение на мою жизнь не состоится. Они так любят поговорить, эти люди, привыкшие все решать через переговоры. И чего он сдержнулся? Не знаю. Но именно он положил в мой бокал цианистый калий. Я свидетельствую только о том, что действительно было. Зачем мне теперь врать? Я все равно уже умер.

Мне хотелось бы написать, что этот мужик отравил меня из-за того, что нанятые мною рабочие отодвинули мой забор на двадцать сантиметров в глубь его участка. Версия звучит неправдоподобно, пришлось написать правду. Репутация женицины поставлена под удар, но современные леди этим, кажется, уже не дорожат. Своей репутацией.

Напротив, гордятся адюльтерами. А вот менты – они мстительны.

Жаль, не увижу, что будут с ним делать его бывшие коллеги, очень жаль! Но я еще успею представить себе ужасы тюремного заключения и издевательства сокамерников, пока не выпил из хрустального бокала, в который, быть может, уже насыпан яд...»

Первое, что подумал Алексей: «Если бы он не умер, я сам бы его убил!» Невольно вспомнился вчерашний разговор с женой. Да, теперь он понял одноклассников Клишина, на которых тот писал пародии. Это было не просто зло. Это было отвратительно! Какой гнусный пасквиль! Если бы этот гад еще и описал бы подробности своих интимных отношений с Сашей, Алексей бы его...

Да что с ним теперь-то можно сделать? Он и так труп! Вторая мысль была: «Значит, правда? Саша ему отдалась? Сама пригласила в дом, и...» Потом Алексей решил – если Клишин врет, что его отравил он, Лонилов А. А., почему история с Сашей должна быть правдой? Спокойнее... Нет, но каков мерзавец! Сашка правильно вчера сказала: Паша подлец! Эх, жаль, что он уже умер! Алексей бы показал работнику шариковой ручки тощего мужичонку, запойного пьяницу!

Михин все понял по выражению его лица. И сказал:

– Дочитали, значит? Вижу, дочитали. И что теперь скажете об отношениях вашей жены и Клишина?

– Откуда это?

– А из той книги, что вы вчера начали читать. «Смерть на даче» – последняя работа писателя Павла Андреевича Клишина, – важно сказал Михин.

– И что там еще, на остальных страницах?

– Остальное не так интересно. Для следствия, я имею в виду. Там философские размышления о писательском труде, о жизни, о людях. Тоска, одним словом. Но это... Это улика. Вы знали про Клишина и свою жену? Об их связи?

– Не знал. Потому что ничего не было. И сейчас не верю.

– Да? А покойный был другого мнения. Так где вы достали яд?

– Я не был у Клишина в тот вечер, все это его фантазии. Не понимаю, только, зачем? Какую цель он преследовал, сочиняя этот пасквиль?

– А он пишет, что были отношения, – насупился Михин.

– Вот именно. Сами посудите, когда он мог это написать? Не при мне же! Если я там действительно был. Значит, по логике вещей меня там не было. Допустим, написал он это за час, за два до того, как умер. Откуда он знал, что я к нему приду? Что захочу отравить? Не пророк же он! Не ясновидящий!

– Допустим. Но Клишин дает нам мотив. Вы могли его убить. И как насчет вашей жены? Вы уверены, что за время вашего отсутствия между ней и Павлом Клишиным ничего не произошло? Все ж таки покойник был редкой красоты мужчина. А она всего лишь женщина. Так вы уверены, что

ничего не было? – повторил вопрос Михин.

«Не уверен, – тут же подумал Алексей. – Они ведь старые знакомые. В одной школе учились. Клишин – ее первая любовь, грезы юности. Я не уверен».

– Со своей женой я сам поговорю. На основании записок мертвеца вы все равно не можете меня задержать. Ищите улики.

– Да? А вот это?

Михин, торжествуя, достал из чемоданчика, похожего на докторский, прозрачный целлофановый пакетик. В пакетике Алексей увидел шелковый голубой платок и металлическую заклепку с надписью «Райфл». И почувствовал запах ландышей. Алексей узнал и платок, и заклепку. Платок Сашин, заклепка – от его собственной старой джинсовой рубашки, в которую он переодевался, когда приезжал на дачу. Что касается платка... Саша повязывала его на голову. Ей очень шел голубой цвет.

– Где нашли? – хрипло спросил Алексей.

– Платок в спальне наверху, заклепку на кухне. Когда прочитал записи Клишина, решил еще разок пошарить у него на даче насчет улик.

– Санкции на обыск в моем доме у вас нет, пока вы мотаетесь за ней в город, к прокурору, я растапливаю печь и сжигаю рубашку. Как вам это?

– Вы, вы, вы... – побагровел как рак Михин.

– Плохо работаете, капитан. Новичок, да? Такие улики на-

до хранить до последнего и выкладывать на стол как главные козыри. В кабинете у следователя. А вы пакетиком передо мной трясите.

Михин проворно спрятал пакетик в свой чемоданчик. И сказал:

– Если вы сожжете рубашку, я буду расценивать это как признание. Что касается платка...

– Что касается платка, Клишин просто-напросто его стащил. Чтобы придать своему пасквилю правдоподобность. И все это косвенные улики, яда у меня никогда не было.

– Вы давно уже от него избавились. С вашим-то опытом! Удивляюсь, как не избавились до сих пор от рубашки? Не заметили, что потеряли заклепку?

– Никогда не думал, что окажусь в такой дурацкой ситуации, – невольно усмехнулся Алексей. – Черт! Даже не верится! Но это же полная чушь!

– Отчего же! Смотрите, сколько против вас улик! Показания Клишина – раз, платок, удостоверяющий, что ваша жена была в спальне покойного, – два, заклепка, опять же удостоверяющая, что в доме потерпевшего были вы, – три. Осталось выяснить, где вы могли достать яд, и найти свидетелей, которые видели, как вы заходили к Клишину. Окно у него на кухне было открыто. Может, кто-то шел мимо; если найдется таковой товарищ, ваше задержание – вопрос решенный. А дальше вы сами знаете.

– Я не дурак, все понял.

Вот именно, что Леонидов знал. Обо всем, что может случиться дальше. И ему вдруг стало не по себе. С них станется! Мотив-то налицо! Кто знает, какие еще сюрпризы приготовил Клишин? Вдруг где-нибудь в доме его соседа, тощего мужичонки с красными глазами, запрятан яд? Алексею захотелось перетряхнуть весь дом.

– А моя жена? Ей вы что – не поверите? – спросил Алексей. – Она подтвердит, что я не был у Клишина.

– Показания супруги в расчет не принимаются. Конечно, она покажет, что ее законный муж в тот вечер не выходил из дома, кто ж сомневается?

– А если она покажет, что никакой связи между ней и Клишиным не было?

– Разумеется, не было. Ха-ха!

– А если и правда ничего не было?

– Докажите.

– И докажу! А пока у вас нет ни ордера на обыск, ни санкции на мое задержание, прошу! – Он указал на калитку. Выметайся, мол, Михин Игорь Павлович.

– Напрасно вы так, – обиженно засопел Михин. – Чисто-сердечное признание, оно, знаете ли, облегчает...

– А пошел бы ты... – Михин и пошел. К калитке.

– Я докажу, что ваш писатель – маньяк! – вслед ему крикнул Алексей.

Михин живо обернулся:

– А вот это вряд ли. Здоровье у Клишина было отменное.

До встречи, Алексей Алексеевич. Правильно я запомнил?

– Да, это вам удалось.

Завизжали плохо смазанные петли. Калитка захлопнулась. Леонидов остался один. Он четко помнил все, что написал Клишин. Каждое слово отпечаталось в памяти, словно клеймо. Алексей попытался успокоиться и привести мысли в порядок.

«Никакого соседа я из ревности не убивал, это точно. И в доме у него четвертого июня тоже не был. Это постулат, от которого надо оттолкнуться в своих рассуждениях. А когда Клишин все это написал? В январе? Не мог он тогда такое написать, потому что с Сашей увиделся только на даче. В конце мая. Клишин не знал, что Саша замужем именно за мной. Прошлым летом сюда приезжал совсем другой человек, не я. Я появился в ее жизни только осенью. А Клишину все равно было, за кем Саша замужем. Ему нужен мотив: убийство из ревности, а для этого подходил любой муж. Когда Клишин увидел меня, ему оставалось только немного изменить уже написанный текст. И внес он эти изменения, вероятнее всего, только на прошлой неделе. Там кусочек-то небольшой, всего полстраницы. А моя работа? Упоминание обо мне как о менте и обо всех ментах в частности? Это Клишин мог узнать только от Александры, значит, они встречались. На даче или где-то еще, но встречались.

Значит, Саша мне изменила? Саша?! Мне?! Что сделать с ней? Скандалить? Развестись? Стой, стой, стой... Если Кли-

шин соврал насчет твоего вечернего посещения, то почему он не мог соврать насчет того, что переспал с Сашей? Значит, свою невиновность ты принимаешь за постулат, а ее нет? Это нечестно. Надо просто узнать у нее правду и вместе подумать, что мы можем противопоставить этому чепуховому обвинению. Вот и все. Главное, что я никого не убивал. Надо выстроить линию защиты».

И он пошел искать жену. Где же она еще может быть, как не в саду? Опять пропалывает грядки. Несмотря на строгий запрет.

Жена действительно была в саду, но занималась отнюдь не прополкой. Она сидела на раскладушке, подставив солнцу бледные плечи и лицо. Глаза ее были закрыты. Алексей заметил бурые пятна на щеках, круги под глазами и невольно проникся к ней жалостью. Как жаль, что Клишин уже умер!

– Саша! – негромко окликнул Алексей. Жена открыла глаза и улыбнулась ему. И он тут же понял, что поверит всему, что она скажет. Эта женщина не умеет врать и притворяться. Иначе она не была бы его женой. Алексей присел на траву рядом с раскладушкой и как можно спокойнее сказал:

– Саша, у нас неприятности. Только не волнуйся. Давай вместе подумаем, что делать, и Расскажи мне, ради бога, правду.

– Правду? Какую правду?

– Про тебя и про Клишина.

– Про Пашу? А что случилось?

– Ты, главное, спокойнее. Приходил капитан, Михин, он дал мне прочитать несколько листков из последней книги Клишина. Которая называется «Смерть на даче». И там... Ты только спокойнее. Клишин пишет, что переспал с тобой, а я будто бы из ревности задумал его за это отравить. И отравил.

Она оторопела. Так растерялась, что даже не сразу поняла, что мужа обвиняют в убийстве. Заговорила возмущенно:

– Какая чушь! Клишин со мной переспал! Я всегда говорила, что он подлец! Да я выгнала его из дома! Как только он полез с поцелуями! Тоже мне, неотразимый! Донжуан местного разлива! Что он о себе вообразил?!

– Саша, он много чего вообразил. И написал. Возможно, из мести. Знаешь, как говорят: нет дыма без огня. Ты вчера сразу замкнулась, когда я спросил о ваших отношениях. И я понял, что огонь все-таки был. Должна быть веская причина, чтобы оболгать человека. Чем ты ему насолила?

– Это так нужно рассказывать?

– А так нужно, чтобы я сел в тюрьму?

– Ну, хорошо. Ради твоего спасения. Давай только перейдем в тень, а то у меня плечи сгорят.

– Пойдем в беседку.

Старая беседка в саду могла бы стать местом романтических свиданий при луне. Если бы эта женщина уже не была его женой. Но он любил ее настолько, что не нуждался в романтике. И верил ей безоговорочно. Там, в тени яблонь, Саша поведала ему следующее:

– Я не верю, что Павел мог такую гадость про меня написать. Было бы из-за чего! История такая давняя и детская, что просто смешно. Знаешь, не всегда приятно вспоминать первую любовь, она никогда не бывает счастливой. Мне было пятнадцать лет, он заканчивал школу. Помнишь, я тебе рассказывала о том, как Павла в школе забрасывали любовными записками? – Алексей кивнул. – И как он заявил, что пойдет на свидание только к девушке, способной написать что-то достойное, маленький литературный шедевр? Я тогда разозлилась и написала.

– Ты была в него влюблена?

– Сначала нет, он казался мне таким самодовольным, таким... Слишком уж уверенным в себе. И девочек было жалко, над которыми он издевался. – Она вздохнула.

– И что же ты написала? – осторожно спросил Алексей.

– Стихи. Знаешь, они не слишком хорошие. Даже банальные.

– Мне просто интересно, чем ты его зацепила?

– Несколько строчек прочитаю, чтобы ты отстал. Там было следующее:

*Я не имею целью вас затронуть,
Тем, что владею легкостью строки.
Скажите мне, да кто же из девчонок
Не написал любовные стихи?
И сами вы, читая много книжечек,
Себе давно создали идеал.*

*Скажите мне, да кто же из мальчишек
Любовные стихи не написал?*

Потом Саша еще раз глубоко вздохнула и сказала:

– Все. Дальше не буду. Хоть умри!

– Неплохо. Я не знаток поэзии, но рифма, кажется, есть.

– Вот именно, рифма. Для пятнадцати лет это было неплохо. Паша пригласил меня в кино, как это было тогда принято. Мы стали встречаться. Конечно, все девчонки в школе умирали от зависти, но мне было не по себе. Знаешь, я была домашней девочкой, круглой отличницей, да и выкинула все это только, чтобы осадить Пашу. Я испугалась.

– Чего?

– Его силы. Он по натуре разрушитель. И делал это так просто, что не было повода даже задуматься, что же такое происходит. Наваждение! Это были отнюдь не романтические свидания. В десятом классе он уже четко знал, чего ему надо от девушки: просто и откровенно тащил в постель. И некоторые девочки у нас в школе были такие же, вполне созревшие, которые ему не отказывали, но только не я. Я училась, знала, что надо готовиться в институт, на дискотеки почти не ходила. Несовременная серенькая дурочка-мышка. И тут – Павел. Весь такой...

– И ты...?

– Знаешь, я не устояла. То есть встречалась с ним тайно. Никто из моей семьи не знал. Нет, ты не понимаешь!

– Куда уж мне. Я же не красавец-мужчина!

– Да, не красавец, и не надо злиться. Ты-то сам в кого влюбился в девятом или в десятом классе? В девочку в огромных очках и со скобами на зубах? Ну, вспомни. Это естественно для такого возраста – любить самых красивых. И потом, в Павле был какой-то животный магнетизм. Ты видел его фотографии, но они не передают суть. Когда он хотел, мог быть очень обаятельным. А мне просто было интересно и хотелось чего-то взрослого. Тем более что родители и не рассказывали про такое, тогда не принято было, книжек соответствующих не было, в фильмах все заканчивалось свадьбой или двое просто лежали в постели. А что они там делали, думаешь, я в пятнадцать лет знала? Но ничего не случилось, бог, наверное, уберег. То есть последний рубеж мы так и не переступили. Я испугалась. Подруга спросила: «А ты не боишься забеременеть? Ему-то что! Он парень» И потом... Я слишком долго тянула, и ему надоело со мной возиться. Он обозвал меня сопливой девчонкой, я его ударила, и это случайно увидели ребята из параллельного класса. Представляешь? Они были рады развеять миф о Пашиной неотразимости, я на несколько дней стала героиней школы, Клишин бесился. Я так испугалась – ужас! Заперлась дома, не отвечала на его звонки, ходила везде только с подругами, короче, выстояла. Потом все утряслось, начались выпускные экзамены, у меня в восьмом, у него в десятом, и стало не до того. Но так Пашу в школе никто из девчонок еще не обижал.

– Какая детская история, – пожал плечами Алексей. – И сколько лет после этого прошло!

– Да, детская. И именно история. А я и не говорю, что была драма.

– И из-за этого он затаил зло? Не верю!

– Но это все, Леша! Я тебе клянусь! Больше ничего между нами не было, честное слово! А потом, надо знать Пашу. Он был необыкновенно злопамятен, просто ужас какой-то! Хорошее редко помнил, но зато всех, кто его когда-то обидел, поминал при каждом удобном случае. Отвратительный характер! Я откровенно удивилась, когда он на днях пришел ко мне и стал вспоминать ту давнюю историю. И все пытался докопаться, любила я его тогда или не любила. Зачем ему признания о том, что было в душе у пятнадцатилетней девочки?

– Значит, он все-таки приходил? Печку замазывать?

– Какую еще печку? Я сама все делаю и не собиралась с ним общаться. Хотя, конечно, он стал еще красивее, чем в школе. Это надо признать. Тогда был еще мальчишка, стал мужчиной. И он очень за собой следил. Даже здесь, на даче, был идеально выбрит, от него пахло дорогим одеколоном, волосы аккуратно причесаны. И эти необыкновенные глаза... Кто его не знал, мог подумать, что Павел красится. Употребляет косметику. Носит цветные контактные линзы. Нет, это ему подарила природа. Яркие цвета. Он входил, и казалось, что в комнате становилось светлее. Но я после той

детской истории настороженно относиться к красавцам. К тому же я беременна, мне ни до чего и не до кого. Понимаешь? А он пришел, расселся тут, потребовал кофе, стал вспоминать наши детские глупости, шутить, что влюбился в меня тогда не на шутку. Влюбился! Паша! Да никогда не поверю! Это был какой-то умысел, что-то ему было надо. Но что – я так и не поняла.

– Может, тебя? Он же лез с поцелуями? Пытался тебя соблазнить? Только честно, Саша, я не буду обижаться.

– Знаешь, пытался, но как-то вяло. Это не страсть. Когда действительно хотят женщину, мужчины ведут себя не так. А для чего Паша ко мне полез, не знаю. Во всяком случае, он нисколько не обиделся, когда я его выпроводила. Было такое ощущение, что для него все это уже случилось. Понимаешь?

– Прекрасно понимаю! Я сегодня прочитал о том, как он переспал с моей собственной женой, и не скажу, что это было приятно. Скорее, напротив.

– Паша это описал?!

– Не волнуйся, не в подробностях. То есть без пошлостей. Но что со мной было!

– Бедный Лешик... Ну и сволочь же Паша! Хотя о покойниках плохо не говорят. Но разве так можно? – покачала Саша кудрявой головой.

– А когда он был у нас дома, один в комнате не оставался?

– Конечно, оставался! Не могла же я его все время караулить и развлекать? Я делала вид, что у меня куча дел и его

присутствие в доме нежелательно, но он не уходил.

– Еще бы! Ему же надо было украсть твой платок и выдрать пуговицу из моей джинсовой рубашки! Поэтому он и не уходил.

– Но зачем?

– Не знаю. Почему-то ему необходимо было убедить следствие в том, что я отравитель. И причем тут книга, которую он написал? Вообще, в этом есть какая-то мистика. Чтобы понять, зачем он это сделал, мне надо понять, что это вообще был за человек. Сам ли он это придумал или надоумил кто?

– Леша, что же будет? Тебя ведь подозревают в убийстве!

– А ничего не будет, – бодро сказал Алексей. – Успокойся, малыш. Яда у меня не было, Клишина я не убивал, ты с ним не спала. Хорошо бы найти свидетеля, который подтвердит, что я никуда не ходил. Был дома.

– Я могу подтвердить.

– Нет, милая. Ты не в счет. Ты жена, – вздохнул Алексей. – Хотя и самая лучшая на свете, но это ничего не меняет.

– Жаль. – Саша на минутку задумалась, потом сказала: – Постой, ты же приехал в девять, а в десять уже уснул. Во сколько его убили?

– В половине одиннадцатого.

– Я смотрела телевизор, потом, в начале одиннадцатого, Мария Семеновна привела Сережку домой. Он еще весь в грязи вымазался. Она спросила, где муж, приехал ли? А я кивнула на занавеску, которая отделяет спальню: намаялся,

мол, и спит. Ты еще так сладко сопел носом.

– Это хорошо! Соседка слышала, как я сладко сопел носом в начале одиннадцатого. Как раз в то время, когда, как утверждает в своей книге Клишин, сыпал ему в бокал яд. И она сразу ушла?

– Леша, где ты видел, чтобы две женщины летом, да еще на даче, да еще вечером, встретившись, разошлись через пять минут? Не обсудив, что, где и у кого взошло?

– Действительно, это было бы сюжетом для маленького фантастического рассказа. Сколько вы обсуждали свои грядки?

– Никак не меньше двадцати минут.

– Что ж, родная моя, это уже почти алиби! – Он довольно потер руки. – Можно зацепиться, если что. Да, Паша подсунул нам с тобой жирную свинью! Надо еще подумать, как я могу доказать, что не травил эту скотину!

– Леша, он же умер! Не ругайся так!

– И слава богу! Что умер! Вернее, слава богу, умер до того, как у меня появилось желание его придушить! А скорее, слава дьяволу! Клишин еще позволил себе обругать всех ментов! Будто бы они тупицы! Обозвать эксперта алкоголиком и мерзавцем! Моя профессиональная гордость задета! То же мне, непризнанный гений! Это свидетельство недалекого ума: валить всех в одну кучу и подгонять под какой-то стереотип. Можно подумать, среди писателей все интеллектуалы! Потомственные интеллигенты и люди с очным универ-

ситетским образованием! Нет уж, в каждом стаде бывает и паршивая овца, и та, с которой впоследствии снимают золотое руно.

– Ох, ты и разошелся!

– Я разозлился. Во мне, знаешь ли, гордость профессиональная задета. Он пишет: «никто не узнает, не найдет, не догадается, я сам всех выведу на чистую воду»! Ничего себе вывел! Наврал про порядочную женщину, оскорбил ее, оболгал совершенно незнакомого человека, вылил ушат грязи на тех, кто пытается привлечь к ответственности его же убийцу! Нет, ты как хочешь, а я разозлился.

– И что теперь?

– А ничего. Я охотно пожертвую следующими выходными и частью свободного от работы времени, чтобы узнать, что же на самом деле за всем этим кроется. И зачем нужна была вся эта комедия со смертью по заранее написанной пьесе. Вот так. Я хочу на сцену автора!

– А я?

– Что ты? Разве тебе не обидно?

– Обидно, конечно, но он же умер...

– А если эту книгу издадут?

– Ты что?!

– А ничего. Я, конечно, не красавец, как Павел Клишин, но и не тощий мужичонка с красными от перепоя глазами в костюме липовой фирмы «Адидас». Мне обидно. И я сделаю так, чтобы эта книга или не вышла в свет, или чтобы в

послесловии написали, что дело раскрыто, истинный убийца найден, а все вышесказанное не более чем домыслы автора и плод его больного воображения. Вот так-то.

– Знаешь, я не люблю твои расследования, но здесь ты прав. У меня тоже есть знакомые, и я не хочу, чтобы они подумали, будто в книге написана правда. Будто я развратная женщина, изменяю мужу и вешалась на Павла Клишина. Я не буду злиться и не буду тебе мешать.

«А если бы она прочитала? – подумал Алексей. – Нет, лучше не надо. И книга никогда не должна выйти в свет. Найдутся доброжелатели – подсунут. Саша этого не заслуживает».

– Ты уж меня прости, – виновато сказал он.

– За что?

– За то, что заставил рассказать.

– Тебе больше досталось. Ты когда поедешь-то?

– Куда?

– Домой.

– Завтра хотел, но придется сегодня вечером. Ты не обидишься?

– Уже нет. Давай только не будем больше об этом говорить сегодня, а?

– Не будем, – легко согласился он. Загадочные убийства оставались маленькой слабостью Леонидова, его охватил азарт сыщика. Преступника надо найти. Да и Клишина проучить. Пусть даже он теперь покойник.

В восемь часов вечера Алексей уехал домой, в Москву. Саша стояла на шоссе и махала вслед, пока машина мужа не скрылась за поворотом. «Бочка полна, и в душе вода есть, продуктов – целый холодильник. Все у них в порядке», – словно оправдывал себя Алексей, прибавляя газу. Ему крайне необходим этот вечер, свободный вечер. Надо подумать, как доказать свою невиновность.

Алексей заехал в супермаркет, купил продукты, приготовление ужина из которых требовало минимальных трудозатрат, две бутылки пива и одну воблу. Гулять так гулять!

Шлепнув на сковородку пару готовых котлет из красивой коробки с многообещающей надписью «Котлеты сочные из мяса молодых бычков», придвинул к себе телефонный аппарат.

В таком деле необходим сообщник. То есть поделщик. То есть помощник. А кто больше подходит на эту роль, как не Серега Барышев? Почти двухметровый гигант с кулаками-гирями. Леонидов не собирался кого-нибудь убивать, но имеющийся у него план подразумевал наличие рядом Сереги.

Ему повезло, Барышев уже вернулся с тещиных блинов и теперь отдыхал перед началом новой трудовой недели. Трубку взял сам:

– Говорите.

– Говорю. Барышев, привет!

– А, коммерческий! Здравствуйте!

– Рад застать тебя дома в добром здравии.

– Я бы не спешил делать выводы.

– Что, досталось за выходные?

– Теща использовала меня по максимуму, вспахал все, что мог, и все, что не представлял, что могу вспахать, тоже.

– Ты там за трактор, что ли?

– Вроде того, – вздохнул Серега. – Марки «КМС по борьбе за урожай». На мастера не вытянул покамест, но через пару лет сосуществования с такой тещей сдам любой норматив. Что же касается моих прав, то работаю за еду и ласку. Мне сказали два раза «молодец, Сережа» и один раз «как я тебя люблю!».

– Что из вышеперечисленного сказала жена, а что теща? – задумчиво спросил Алексей.

– Сказала все жена. От тещи похвалы не дождешься. Упорствует в своем «он тебе не пара». Пополняет ряды настоящих тещ. А ты чего звонишь-то, коммерческий? – подозрительно спросил Барышев. – Пора заканчивать вводные процедуры. Излагайте суть.

– погоди. Я только переверну котлеты сочные из мяса молодых бычков.

Серега хмыкнул. Поддев ножом котлету, Алексей понял причину. Добрая половина мяса молодых бычков прилипла

ко дну сковороды, словно бы котлета была склеена из картона. Под воздействием высокой температуры картон стал превращаться в неприятную массу бурого цвета.

«Ничего, – утешил себя Алексей. – Как-нибудь». И вернулся к телефону.

– Тебя не удивляет, Серега, что у меня неприятности?

– Ты для них родился. Но Анята ничего не говорила. Неужели тебя уволили? – ахнул Барышев.

– Да не на работе неприятности. Вернее, те, что на работе, меня мало задевают. Тут другое...

– Ну?

– Мой сосед по даче, то есть сосед по даче моей жены, отдал богу душу. Все было бы ничего, если бы это произошло без цианистого калия и если бы этот злодей не оставил посмертные мемуары, где упоминается моя жена, я в амплу ревнивого мужа, и тупые менты, которые никогда не находят убийц. В перспективе меня ждет скамья подсудимых. Как тебе?

– Неплохо. Стиль изложения подкачал, но суть я уловил. А не врешь?

– Если бы! Самое гнусное, что под меня копают. Мои же бывшие коллеги. В частности, капитан Михин. Из районного ОВД.

– И что ты собираешься делать?

– Тебе вот звоню.

– У вас есть план, мистер Леонидов?

– Есть ли у меня план? У меня всегда есть план!

– И моя роль?

– Погоди, у меня, кажется, молодые бычки горят.

– Картон не горит. Он тлеет, – вздохнул Серега. – Мне приходилось этим питаться.

– И каково на вкус?

– Сносно, если никогда не был женат. Тебе, Леха, понравится вряд ли. Я знаю, что Александра готовит хорошо.

– Я все-таки сниму сковороду.

Он переставил мясо молодых бычков на соседнюю холодную конфорку. Бычки продолжали шипеть, возмущаясь, что их так варварски смешали с картоном. Барышев продолжал вздыхать в телефонную трубку. Сочувственно.

– Ты давно на шухере не стоял? – спросил его Алексей.

– С детства, когда яблоки у соседской бабки воровали.

– А как насчет отмычек и небольшого конфликта с законом?

– Ну, ради нашей дружбы... Если надо...

– Очень надо, Сережа, – серьезно сказал Алексей.

– И куда ты хочешь влезть?

– На дачу к этому недоделанному Тургеневу. К Пушкину-Лягушкину, – со злостью сказал Алексей.

– Эх тебя проняло!

– Потому что я прочитал его пасквиль. Это был не писатель, это был... Гадюка, и та не так ядовита.

– А что нам надо на его даче?

– Мне нужны его бумаги. Последняя рукопись.

– Издать хочешь? – хмыкнул Барышев.

– Понимаешь, Серега, мне достались только два отрывка. Остальное, как утверждает правосудие в лице капитана Михина, – философские измышления. Не представляющие никакого интереса для следствия. Но я уверен, что из пятнадцати листов мелким шрифтом можно выловить немало. Меня кое-что насторожило, когда я присутствовал на осмотре места происшествия. Я просто уверен, что продолжение этой «Смерти на даче» есть, только где?

– Как-как? «Смерть на даче?» – удивился Серега.

– Именно. Ну не везет мне в жизни, и что?

– Как тебе, Леонидов А. А., капитан в отставке, в роли подозреваемого? Сухо, комфортно?

– Ага, только памперс слишком быстро намокает, а запасного нет. Ну что, Серега?

– И когда грабим банк?

– Давай по-тихому завтра ночью. Чтобы Сашка не знала, да и твоя супруга тоже. Бабы нам в этом деле ни к чему, потому что отговаривать будут непременно.

– А мое алиби для второй половины?

– Ночное дежурство.

– Ох, попаду я с тобой под дело о разводе!

– Я тебя прикрою. Кто за кем заезжает? Твоя машина в каком состоянии?

– В таком же, как и твоя. «Жигули» на пенсии. Когда ты

себе джип-то купишь, коммерческий директор?

– Когда сам на пенсию пойду. Или когда научусь воровать и брать взятки. Значит, ты приезжаешь ко мне на своем «жигуле», как только улизнешь из дома, и отправимся на дачу к писателю, прихватив соответствующий инвентарь.

– Что брать?

– А я знаю? Ключи какие-нибудь, отмычки... Или лучше выставить раму и залезть через окно?

– Ладно, на месте обсудим. Жди.

– До завтра.

Леонидов положил трубку и почувствовал, что ему стало легче. Лезть в чужой дом, опечатанный казенной печатью, удобнее с надежным и физически сильным товарищем. В Сергее Барышеве он не сомневался. Они давно уже забыли зимнюю размолвку и примирились окончательно.

Весь следующий день Леонидов сидел на рабочем месте как на иголках. Думал о ночной вылазке и не реагировал на неприятности, которые были такими же, как всегда: там не отгрузили, тут забыли, здесь не состыковались... И все в итоге шло как по маслу: чем меньше нервничаешь, тем быстрее рассасывается. Причем само собой.

В семь часов вечера Алексей быстренько свернул дела, заехал в хозяйственный магазин, купил зачем-то топорик, тиски, набор отверток, пару нитяных перчаток и бельевую веревку. «Господи, на гору я, что ли, собираюсь лезть? Там окно на высоте полутора метров! Всего-то!» – мысленно руг-

нул он себя, все же беря веревку.

Барышев появился в десять часов, когда уже начало темнеть. Огромный, одетый в камуфляжную форму, со спортивной сумкой в руке.

– Что там? – кивнул на нее Леонидов.

– А, всякая хрень. Думаешь, я когда-нибудь лазил в чужие дома? Я честный.

– Думаешь, я профессиональный взломщик? Но мне эти бумаги знаешь как нужны?

– Что, так серьезно?

– Тут не до шуток. Писатель даже улики подбросил. Чтобы меня стали подозревать. Пуговицу от моей рубашки и Сашкин платок. Основательно подготовился.

– А зачем?

– Это я и хочу понять. Поехали, нечего время тянуть.

– Погоди, еще не стемнело.

– Пока доберемся, пока в кустах посидим... Стемнеет. Еще пара часов и... А потом не собираешься же ты прямо к дому подъезжать? Надо хотя бы полтора километра пешочком протопать.

– Зачем так много?

– Опыт подсказывает. Лучше вблизи места предполагаемого взлома не засвечиваться.

– А опыт не подсказывает тебе, что взломщиков привлекают к уголовной ответственности?

– Меня и так привлекут. Из двух зол надо выбирать мень-

шее, – философски заметил Алексей.

– Тогда карту местности давай, Леонидов. Я на даче у тебя ни разу не был, а в темноте могу и не сориентироваться.

– Обойдешься. Это не приграничная зона, а всего-навсего деревня Петушки Московской области. Где там блуждать?

– Если нет карты, обязательно нужен проводник. Поскольку ты местный житель, ты и поведешь.

С ролью проводника Алексей согласился. Надел темную ветровку и спортивные штаны в тон. Потом взял сумку со всякой всячиной и вместе с Барышевым спустился вниз, к машине.

...Доехали они часа за полтора, когда уже окончательно стемнело. Оставили машину в кустах и направились к поселку, стараясь держаться поближе к дороге. Трава была влажной. Как только на шоссе появлялась машина, оба невольно вздрагивали. Пару раз даже нырнули в кусты. Леонидов злился:

– Так мы до утра будем идти! Давай представим, что мы просто люди. Что, здесь не ходят, что ли, по ночам?

– Чего бы с фонарем и с флагом не шагать прямо по дороге и под барабанный бой? Вопя при этом: «Мы хотим влезть в чужую дачу!» – разозлился и Серега.

– Но не шарахаться же в кусты все время? Давай сворачивай. Вот она, проселочная дорога! Которая ведет прямо к дому Клишина! Нам сюда.

– Мать честная! В лес!

– Ну и что?

– Да так. Темно, хоть глаз выколи!

– Будто ты ни разу не участвовал в ночных марш-бросках, – буркнул Алексей.

– Тише ты! Опять кто-то шуршит!

– Тьфу! Это ж мышь.

– Мышь!

– Что ты орешь?

– Я не люблю маленьких животных, – виновато сказал Барышев. – Чем меньше живая тварь, тем она противнее. Вдруг кусается?

– Хрен прокусит такая маленькая твою слоновью кожу.

– Понимаешь, я медведей не боюсь. Волков не боюсь. Даже тигра не испугаюсь. Но мышь! Это ж такая пакость! Это ж...

– Стой! Хватит бормотать, вот она, дача! – Леонидов махнул рукой на темный дом, показавшийся впереди. Потом сказал: – Боюсь, петли на воротах ржавые, будут скрипеть. Давай-ка через забор махнем.

Серегу вновь начал ворчать. Алексей же подумал о том, что им повезло. Дом Клишина – крайний. И подошли они со стороны леса. Он перемахнул через забор первым. Следом перевалился Серега. Жидкий штакетник не выдержал, раздался треск.

– Барышев, слон! Мать твою... – выругался Алексей. И добавил: – Тише.

– И что? – спросил Серега, очутившись на дачном участке.

– Что, что, к дому давай!

Они осторожно подошли к писательской даче. Обе двери – и черный ход, и парадный – были опечатаны. Алексей выбрал, разумеется, заднее крыльцо. По деревенской улице могут прогуливаться влюбленные парочки, и они наверняка заметят, что кто-то ломится в дом Клишина, если идти с парадного. Еще ментов вызовут!

– И что? – вновь спросил Серега.

– Что, что! Поднимайся на крыльцо и замок ломай! – прошипел Алексей. – Либо дверь снимай с петель!

– Бездарность ты, Леонидов, в чужой дом влезть не можешь. Тут легче окно выставить. По передку-то они рамы заменили, а здесь только наметили. Старье! – Серега презрительно сплюнул. – Рамы гнилые. Сейчас поддену легонько, и... И печать вашу милицейскую не нарушим, и шума не так много произведем. Думаешь, так легко сломать амбарный замок? Или дверь высадить?

– Выставляй окно.

Серега взял сумку с инструментами и отправился штурмовать окно.

– Леха, помоги! – гулким шепотом позвал он через несколько минут.

– Чего?

– Шатается, надави посильнее. Раз-два!

– С...

– Е...

– Заткнись! Сашка в доме на соседнем участке! Знаешь, какой у беременных сон чуткий?

– А почему надо от Александры скрывать?

– Потому что она врать не умеет. Если спросят, обязательно будет краснеть... Ой! Нога!

Усердствуя, Серега наступил ему на ногу. Алексей едва не закричал в голос. Барышев – слон! Никогда не думал, что так тяжело залезть в чужой дом. Оказывается, как тяжело работать преступником! Им надо за вредность молоко давать. Вместе со сроком.

– Серега, а я пролезу? – с сомнением спросил он, когда рама была выставлена. Она и в самом деле оказалась гнилой. В порядке у писателя был только фасад.

– Пролезешь, – оскалился Барышев.

– Ладно, жди тут.

– Быстрее только. Фонарик возьми.

– Подсади-ка!

Барышев буквально впихнул его в окно. Алексей неловко плюхнулся на пол. Лезть в чужой дом оказалось не только трудно, но и некрасиво. В смысле, что никакой эстетики. Культуры производства.

Алексей очутился в темных сенях и зажег фонарик. На цыпочках прошел в комнату, где первым делом включил компьютер, нашел дискету и скопировал на нее «Смерть на даче». На всякий случай скопировал и другие текстовые

файлы, те, что хранились на диске «С». Марать бумагу покойник не любил. Во всяком случае, Алексей не нашел ничего интересного ни в тетрадках на столе, ни в его ящиках. Так, мелочовка: несколько писем, порванный пополам конверт, парочка фотографий. Письма Леонидов прихватил, все остальное оставил. Пару дискет с пометками, сделанными кривым «пьяным» почерком, Алексей тоже прихватил. Потом направился в сени, где почувствовал себя немного увереннее. Выглянул и позвал Барышева:

– Серега!

– Ну?

– У меня идея!

– Не надо.

– Надо. Ты сможешь восстановить все так, чтобы никто не догадался о взломе?

– Не смогу, – сердито засопел Серега. – Рама развалилась. Я ее малость сдавил, и...

– Сашка мне рассказывала, что на здешних дачах местные хулиганы по ночам орудуют. Ничего ценного не берут, а просто тусуются. Пьют и по пьяни все громят. Все равно поймут, что сюда влезали, давай под местных закосим?

– Точно?

– Конечно! Если и будут искать, то не те, кто занимается убийством Клишина, факт. Я эту процедуру знаю. Да и кто заявит? Наследники? Подумаешь, хулиганы вломились! Ничего ведь не взяли!

– Ладно, тогда давай быстрее. Надоело мне здесь стоять.

– Сейчас.

Леонидов вернулся в дом и постарался по-быстрому «навести бардак»: перевернул несколько стульев, запачкал ковер на полу, повалился с ногами на кровати. Сойдет. Главное, что ничего не пропало. Пара писем не в счет. На всякий случай он порвал несколько листков бумаги, выдрав их из тетрадей, и бросил на ковер клочки. Потом вернулся к окну:

– Все. Лови меня!

– Грязные следы остались? – деловито спросил Серега, подставляя руки.

– А что? – спросил Алексей, приземлившись.

– Так на тебе были нитяные перчатки. Получится смешно, если отпечатков пальцев не найдут, а отпечатков ног сколько угодно. Какие-то странные хулиганы получают, безрукие. Ботинки сожги на всякий случай. Надеюсь, они не новые.

– Точно! У меня старые кроссовки в машине есть, я переобуюсь, а эти по дороге в болотце заброшу. Или на помойку.

– Хорошо бы дождь пошел, – задумчиво сказал Серега.

– Почему?

– Потому что на меня трудно купить ботинки. Своими я дорожу.

– Погоди, сейчас твои следы затопчем.

– Все, Леха, с меня достаточно. Пошли отсюда. В крайнем случае получим срок за мелкое хулиганство. Дадут условно, учитывая прошлые заслуги. Надеюсь. – И Серега грустно

усмехнулся.

Алексей вздохнул: «Вот до чего дошло!» Но кто бы ему дал эти бумаги?

Они пошли все к тому же забору. Оглянувшись, Алексей заметил, как в его доме зажегся свет.

– Черт, Сашка все-таки проснулась! – прошипел он.

– Главное, она не видела, что это ты.

– Тьфу-тьфу. Ты спать-то где будешь?

– На ночном дежурстве. У тебя, конечно! Не возвращаться же в такое время к жене. Глаза выцарапает!

– Спасибо тебе, Серега. Ты настоящий друг, – с чувством сказал Алексей.

– Не за что. Ты все время в мою жизнь вносишь разнообразие. Только не забудь рассказать, что там с этим писателем. Интересно.

– погоди, мы еще вместе будем над этими бумагами колдовать, может, и ты чего-нибудь разглядишь. Мне личная обида мешает.

– Если там про тебя гадости написаны, я с удовольствием почитаю. А вот и забор! Давай лезь.

– Тю... Да тут дыра! Ну, ты, Серега, и слон!

– Не я. Хулиганы.

...Минут через двадцать они добрались до машины: Серега вставил ключ в замок зажигания. Словно внимая его мольбам, старушка тут же завелась. Только очутившись на переднем сиденье и расслабившись, Алексей почувствовал,

что смертельно устал. Совмещать работу на фирме и частное расследование – это, знаете ли...

Когда выехали на трассу, он уже сладко спал. Снился ему Павел Клишин. Писатель бродил по своей разгромленной даче и сокрушался. «Так тебе и надо!» – злорадно подумал Алексей.

Глава вторая

Пашины мысли

1

В течение двух последующих дней Алексей просто не мог добраться до записей Павла Клишина. Работы было так много, что об остальном на время пришлось забыть. Дискета и прочее, изъятое в частном порядке с дачи писателя, лежали дома в ящике письменного стола. Оно и понятно: реакция происходит только тогда, когда срабатывает катализатор, ускоряющий процесс. Пришел, например, капитан Михин, завел Леонидова, и тот залез к Клишину на дачу. Не проявляли к Алексею два дня никакого интереса правоохранительные органы, и творения Клишина валялись в ящике письменного стола невостребованными.

Алексей уже успел пожалеть о том, что сдернул Барышева и решился на действия противоправные. Работа навалилась, затянула, как болотная ряска; упавший в нее камень только на мгновение нарисовал на поверхности круг чистой воды и канул на дно. И тина тут же сомкнулась. Леонидов тонул, увязая в своем болоте по самые уши. И почти уже захлебывался. Он уже пожалел, что согласился на предложе-

ние Серебряковой. Уволенный им Костя Манцев, по слухам, неплохо устроился в конкурирующей фирме. Да и Саша Иванов процветает там же. Самое смешное, что Леонидов туда звонил, предупреждал. Мол, эти люди неразборчивы в средствах. И на руку нечисты. А в ответ слышал: «Нам такие и нужны!» И чего он добился? Теперь эти двое активно играют против него, против Серебряковой, против «Алексера». Война не закончилась, напротив. Разгорелась с новой силой. Но это уже совсем другая история.

Так было до среды, и Алексею уже начало казаться, будто произошедшие в выходные дни неприятности – случайный эпизод, не имеющий последствий. Поэтому Леонидов слегка растерялся, когда Марина Лазаревич, секретарша, доставшаяся ему в наследство от бывшего коммерческого директора Паши Сергеева, открыла дверь и голосом заговорщицы произнесла:

– Леша, там из милиции.

– Из какой милиции? Кто? Зачем? – удивленно спросил он.

– Представился как старший оперуполномоченный Михин. Я даже документы его проверила на всякий случай. А вдруг врет? С удостоверением все в порядке.

– Михин? А!.. Нет, этот не врет, он оттуда.

– Сказать, что ты в банк собираешься?

Алексей вдруг вспомнил, как сам в первый раз пришел сюда, в офис «Алексера». Он работал тогда по делу об убий-

стве А. А. Серебрякова. И все начальство в спешном порядке «уехало в банк», узнав о его приходе.

– Не будем уподобляться... – Он сладко потянулся в кресле, расправляя плечи.

– Кому? – удивилась Марина.

– Всем. Зови сюда этого парня, я готов лечь на амбразуру, не хватает только связки гранат. Чтобы по пути взорвать танк.

– Ты какой-то нервный, Леша, – покачала головой Марина. – Что-то серьезное?

– Принеси-ка нам лучше кофейку.

– Сделаю. Тебе как обычно, без сахара? А ему?

– Ему даже с молоком.

Марина, пытаясь сдержать смешок, открыла дверь и сказала тому, кто ждал в приемной:

– Проходите, пожалуйста. – Она ослепительно улыбнулась, отчего появившийся в дверях Михин побагровел и устоял в пол. Секретарша у Алексея была очень хорошенькой. Но без последствий. То есть для него самого ослепительные улыбки Марины последствий не имели. Занятое сердце – лучшая броня. А про Михина Алексей подумал: не женат.

– Алексей... Алексеевич, вас соединять с кем-нибудь? – сладко пропела секретарша.

При посторонних и клиентах они с Леонидовым соблюдали субординацию и были строго на «вы». Начальник и под-

чиненная.

– Пока нет, Марина. Скажите, чтобы перезвонили минут через пятнадцать.

Она вышла, плотно прикрыв за собой дверь.

– Садитесь, пожалуйста, Игорь Павлович, – Леонидов кивнул на кресло напротив. – Сейчас нам принесут кофе.

– Вот, значит, где работают коммерческие директора? – Михин оглядел просторный кабинет. – Что ж, круто! Секретарша-красавица, кофеек.

– А без атрибутов? Без монитора на столе, кожаных кресел и секретарши в приемной не смотрюсь?

Кабинет, в который въехал Леонидов, так и оставался безликим. Алексей удовлетворил все просьбы сотрудников, но потратиться на себя так и не решился. Шикарный же кабинет Серебрякова, убитого в августе прошлого года, пустовал по-прежнему, Ирина Сергеевна, его вдова и нынешняя хозяйка фирмы заглядывала в офис редко.

– Я тут о вас справки навел, Алексей Алексеевич. Вы ушли из органов пять месяцев назад и в таком же звании, как я, только не из какого-то РОВД, а из Главного управления, и с хорошей репутацией ушли. Вам очередное звание должны были присвоить. Затянули, потому что у вас было взыскание. О вас чуть ли не легенды ходят! Мол, Леша Леонидов такое дело сразу раскрывал. Так мне сказали по поводу убийства Клишина.

– И что? Люди с министерских постов уходят, из прези-

дентов даже, но живут же после этого! Решение оставить карьеру сыщика – это не смертельно. Поверьте, можно не только выжить, но и достойно прожить.

– Это уж точно: достойно! На большие деньги польстились?

– Да. Польстился на большие деньги. О моей бывшей работе все?

– Это больная тема?

– Нет. Но хотелось бы знать, я что, подозреваемый?

– Подозрение с вас лично я не снимаю, хотя ясно начинаю понимать, что если убили вы, то доказать это практически невозможно.

– Это еще почему?

– Вы ведь прекрасно знаете, на чем можно засыпаться, и постарались улики уничтожить. В доме все чисто, отпечатков нет, следов грязной обуви тоже, никто вас не видел ни входящим в дом Клишина, ни выходящим оттуда. Все-таки профессионал, чего уж тут...

Леонидов едва сдержал улыбку, вспомнив, как ночью они с Барышевым, бывшим десантником, а ныне сотрудником вневедомственной охраны, весьма непрофессионально лезли в чужое окно. И сказал насмешливо:

– Да, ампулу из-под цианистого калия я бы не стал оставлять на месте преступления. И вообще не стал бы оставлять. Ибо на ней есть маркировка. Нетрудно вычислить, с какого химико-фармацевтического завода она взялась. Свидетелей

нет, кроме покойника, а в его способности предсказывать будущее ни один суд не поверит. Тоже мне, Нострадамус из деревни Петушки!

– Вам весело, как я вижу?

– Грустно. Если я на Библии сейчас поклянусь, что не убивал никакого писателя и вообще не знал о том, что он заходил в мое отсутствие к моей жене, вы же мне не поверите? Что значат слова человека, не замеченного до сих пор ни в какой антиобщественной деятельности, против пуговицы от рубашки и голубого платка?

– Отчего же? Я как раз вчера беседовал с вашей супругой. Она, похоже, вообще врать не умеет. Честно рассказала мне про школьный роман с Клишиным, про то, что он был мстительным человеком. И по характеру не подарок.

– Вы были у Саши? – насторожился Алексей.

– А что странного? Из-за нее же весь это шум.

– И что заставило вас принять ее взгляд на проказы Клишина? Насчет его мстительности и злобы?

– Я разговаривал кое с кем из его знакомых. Надо же было узнать, писал он, основываясь на реальных фактах, или был мастер приврать.

– И что вы слышали, Игорь Павлович?

– С детства литературу не люблю и, признаюсь, ни черта в ней не понимаю. Например, нормальный человек просто скажет: «Я вышел из дома и пошел на электричку». А тот, который писатель, непременно выдаст: роса на траве блестела,

что-то там звенело где-то в воздухе, гудок электрички был похож на набат, сама электричка еще на кого-то. И из обычной двухчасовой поездки в вашу, допустим, деревню Петушки на поливку огорода выйдет лирическая поэма о том, какое это счастье просыпаться рано утром и слушать пение птиц. Весь этот бред и есть литература.

– А почему бред?

– Да потому что все вышесказанное неправда! Все чепуха. Реалистом надо быть, а не пудрить людям мозги, – сердито сказал Михин. – Вот взять, например, этого писателя Клишина. Врал он? Конечно, врал! Все говорят, что был он человеком особенным. И эта особенность заключалась в том, что Павел Андреевич исключительно умел наживать себе врагов. У него не складывались отношения ни с кем: ни с женщинами, хотя он и был красавцем; ни с издателями, хотя он, без сомнения, был талантлив; ни с друзьями, хотя многие хотели бы таковыми стать. Он обладал уникальной способностью говорить людям вещи, которые они меньше всего хотели бы услышать. И люди переставали с ним разговаривать и вообще общаться.

– Как интересно! И кто конкретно?

В это время Марина Лазаревич торжественно внесла поднос с двумя чашечками кофе и вазочкой с конфетами. Михин прервал свой патетический монолог, невольно уставившись на ее стройные ножки, открытые короткой юбкой. Марина поставила поднос на стол, и ее каблочки зацокали об-

ратно к двери. Дверь закрылась, а Михин все еще сидел. Открыв рот.

– Секретарша у вас, я смотрю... – покачал головой капитан.

– И что?

– Как жена на это смотрит?

– Положительно. Она не ревнивая. Так что именно говорил людям этот писатель?

– Писатель? А, да, мы о Клишине... Кофе можно пить?

– Да. Это настоящий, не муляж. – Михин отхлебнул кофе и сказал:

– Вкусно. Она еще и кофе умеет варить! Простите. Я тут изложу некоторые факты. Все знакомые Клишина в один голос утверждают, что Павел просто не умел говорить и писать приятных вещей. Вернее, как утверждает один издатель, не мог себя переломить. Ведь не секрет, что идеальный вкус есть у единиц, а дорогие вещи покупают все, и все хотят подтверждения тому, что не зря потратили деньги. Попробуй скажи откровенно человеку, что он отвалил кучу денег за ерунду, которая гроша ломаного не стоит! Наживешь себе врага на всю жизнь. Поэтому нужным людям обязательно надо врать. На комплиментах карьеру делают. Не умеи хорошо работать, умеи льстить начальству. Всем приятно слушать дифирамбы. Даже очень умные начальники попадают на такой крючок просто потому, что боятся трезво оценить себя и своих жен. А Клишин умел замечать в людях все самое

смешное, нелепое, потаенные движения души, которые человек и сам от себя порою скрывает. У каждого есть больное место, так вот Павел Андреевич обладал необыкновенным даром сразу же это место нащупывать и просто из интереса туда тыкать: что будет? Было очень плохо. У писателя в итоге оказалась куча врагов. И ни одного друга. Он был очень одинок.

– А как же талант? – спросил Алексей, который внимательно слушал разговорившегося Михина. «А мальчишка-то не так уж и глуп! И хорошо поработал! В нужном направлении».

– Так и талант был того же рода. Клишин изумительно описывал все гадкое, что отлично умел в людях замечать, – со вздохом сказал Михин.

– Значит, в моем случае я больше всего на свете боюсь, что жена мне изменит? – предположил Леонидов.

– Видимо, так. Вернее, вы ее наверняка очень любите, это ваша опора в жизни, что Клишину казалось нелепым и смешным.

– И я действительно тощий и красноглазый?

– Во внешности у каждого есть недостатки. Люди в массе своей далеки от идеала, а те, которым повезло, большие деньги на этом зарабатывают. вспомните свою работу в розыске. Как описывают свидетели других людей? Например, спрашиваешь: «Кто к нему приходил?» Ответ: «Какая-то женщина в очках». Сразу представляешь возрастную грим-

зу, смотрящую целый день телевизор или читающую книжки под настольной лампой, а потом оказывается, что это ослепительно красивая девушка с отличной фигурой и белозубой улыбкой, но действительно в очках, хотя очки ей и идут. Вы худой, пусть даже тощий, и глаза у вас воспалены от постоянного недосыпания. Но можно ведь сказать и так: стройный. Человек, волосы у которого густые, черты лица правильные. Перечисли все это – возникает совсем другой образ. Вот из чего я делаю вывод, что Клишин мог просто описать события под тем углом зрения, под которым он привык воспринимать события и окружающих его людей.

– И кто же, по-вашему, его убил?

– А вот это вычислить необыкновенно сложно. Насолить Павел Андреевич успел всем своим знакомым и любимым женщинам. Если таковые у него были. Любовницам. Так будет вернее.

– Почему это он не мог влюбиться?

– С таким критическим взглядом на людей? Я тут пробовал читать его книги...

– И?

– Ни черта не понял! – в сердцах сказал Михин. – Это ж бред!

– Знаете, Игорь Павлович, у меня такое чувство, что вы пришли сюда посоветоваться. Так?

Михин вздохнул и как бы между прочим сказал:

– На дачу к Клишину в понедельник ночью какие-то ху-

лиганы влезли.

– Что, все следы уничтожили? В которых вы хотели еще разок покопаться? – Алексей уткнулся в чашечку с кофе, чтобы Михин не поймал его взгляда.

– Да не в следах дело! Что следы! Вот и жена ваша говорит, что ничего не слышала, спала. А ведь сон у беременных женщин такой чуткий...

– Исключения из любых правил есть.

– Я человек конкретный, Алексей Алексеевич, у меня нет склонностей к аналитике...

– Я не заметил. Вы прекрасно изложили писательскую концепцию Клишина.

– С чужих слов, Алексей Алексеевич, с чужих слов. Чтобы понять этого писателя и вообще всю их братию, надо самому писателем родиться или хотя бы что-то в жизни прочитывать. А я школьную программу еле-еле одолел и до сих пор не помню, кто старуху пришил топором: Рахметов или Раскольников. Чую, что «висяк» у меня будет. Да. Я понимаю, когда убивают из-за денег или ножом в пьяной драке. Но когда убивают из идейных соображений...

– А почему вы решили, что здесь какие-то идеи?

– Да роман этот покоя не дает! Эта злосчастная «Смерть на даче»! Вы почитайте некоторые места и сразу поймете.

– Где ж почитаю? Дайте!

Леонидов через стол протянул Михину руку. Тот посмотрел грустно, глаза у него оказались сиреневыми и глубоки-

ми, как две чернильницы. Алексею тут же захотелось обмакнуть в них гусиное перо и написать что-то о чудных мгновениях. Ресницы у его визави были длинные и пушистые, как у девушки, а губы пухлые. Симпатичный парень Игорек Михин, если отбросить слово «опер». Все правильно: описать человека можно по-разному. Смотря какие прилагательные оставить, а какими пренебречь.

– Не имею права, – сказал Михин, уставившись в потолок. А потом вдруг выдал: – Ну, залезли и залезли, ничего же не взяли! Ни ценных вещей, ни компьютер, ни одежду. Так, покуролесили немного, и что? Все равно наследник пока не объявился. Заявление о взломе никто не писал. А без заявления какое ж дело? Вы подумайте об этом деле на досуге, Алексей Алексеевич, а я еще зайду.

При этих словах Леонидов едва сдержался, чтобы не покраснеть: как раз сегодня дискета с творчеством Павла Клишина была при нем. Михин же вздохнул, залпом выпил остывший кофе и попрощался. Дверь не успела за ним закрыться, как в кабинет с вытаращенными глазами влетела Марина:

– Ты от нас уходишь?!

– С чего ты взяла?

– Разве он тебя не уговаривать приходил?! Чтобы снова в милицию?! Неужели Ирина Сергеевна отпустит?!

– Тише ты. Все гораздо проще. Моего соседа по даче убили, я только свидетель, а никак не рулевой.

– Да? А зачем же он тогда еще раз придет?

– Марина, я сколько раз говорил, чтобы ты дверь плотнее закрывала?

– Я только конец разговора слышала. Ваши коммерческие тайны меня мало интересуют, все равно через мои руки проходит вся документация. Но тут такое!

– Ты только молчи. И Серебряковой не говори. Этой фирме уголовных преступлений на весь оставшийся век хватит.

– А Саша знает?

– Да, ей не повезло. Ладно, Марина, кто там по мою душу? Соединяй. – Он с откровенной тоской посмотрел на телефон.

2

Жару, что пришла в Москву в начале июня, в общем-то, ждали. Количество холода прямо пропорционально количеству тепла, – такую формулу давно уже вывел для себя Алексей Леонидов. Если в мае были морозы, значит, в июне должна быть жара. Чем сильнее был мороз, тем больше градусов тепла покажет термометр. Но таково неременное свойство природных катаклизмов: сваливаться на голову неожиданно. Неожиданно для всех стало очень жарко. Бешеным спросом стали пользоваться кондиционеры, прохладительные напитки и мороженое. Людям порою казалось, что они сходят с ума. Зацементированный и заасфальтированный город был

раскален добела, словно адова сковорода. Кто мог, уехал за город, в райские кущи. Кто не мог, работал. Варился в этом котле. А безжалостное солнце, хозяин этого ада, все подбрасывало и подбрасывало поленьев в топку.

Как правило, Леонидов выходил из офиса уже под вечер и всегда мерз. В кабинете у него исправно работал климат-контроль, установленный еще роскошным Пашей Сергеевым. Двадцать три градуса. И не меньше. За что деньги плачены! Сегодняшний вечер стал для Алексея настоящим открытием. Он вышел из офиса и почувствовал, что жарко. На него, одетого в пиджак, смотрели как на сумасшедшего. Улицы Москвы теперь напоминали гигантский пляж: мужчины разделись до трусов, женщины до бикини. Поверх бикини были накинуты полупрозрачные платки. Почувствовав себя идиотом, Алексей быстренько снял пиджак и пошел к машине.

«Как жить в такой жаре? – в отчаянии подумал он, забираясь в эту камеру пыток. – Точнее, как выжить?»

Все мировые катаклизмы мгновенно стусеивались перед индивидуальным горем: необходимостью находиться в городе в невероятную жару. Есть не хотелось. Котлеты сочные из мяса молодых бычков и из тех же бычков пельмени на таком солнце мгновенно бы размякли. Алексей ограничился тем, что купил фруктов. И молодой картошки, которую честно собирался пожарить. Потом он купил воду и два мороженых. После некоторого раздумья купил третье. И бегом домой. Пока не растаяло.

В квартире было так душно, что он сразу понял: не уснуть. Надо дожидаться, когда стемнеет. Когда скроется безжалостное солнце. Алексей достал из дипломата распечатку того, что похитил на даче у Клишина. Наугад вытащил один из листков, прочитал и хмыкнул. Понятно, почему Михин с этим не справился! Такая философия отпугнет любого. Рассуждения самовлюбленного негодяя о людях и о себе.

Павел Клишин стал вызывать у Алексея еще большее отвращение.

«Смерть на даче». Отрывок

«...и каждый день я вижу в зеркале именно это лицо. Давно надо было отрастить бороду и избавиться от непреходящей утренней процедуры. От бритья. Плеснуть в лицо водой – и бежать! Бежать!!! Но я словно рожден для страданий. Каждое утро я снова вижу это и прихожу в отчаяние. Опасная бритва в моей руке дрожит и невольно ползет со щеки все ниже и ниже, к самому горлу.

Лицо мое похоже на коробку дорогих шоколадных конфет, такое же яркое снаружи и пустое внутри. Жалкая горстка шоколада, а поверх розочки, розочки, розочки... Глаза слишком синие, волосы слишком желтые, рот слишком красный, а ресницы и брови слишком черные. Это величайшая разноцветная глупость, которую я только видел в жизни, от ее созерцания тошнит уже через несколько ми-

нут. А мне приходится рассматривать буйство плохо сочетающихся красок изо дня в день. Каждое утро я тщательно умываюсь с мылом, словно надеюсь, что они хоть немного полиняют, эти глаза, брови, губы... Но – тщетно! Такое ощущение, что после обязательных утренних процедур они становятся еще ярче!

Это самое большое наказание в моей жизни, хотя многие со мной не согласятся. Если бы лишние килограммы не вызывали у меня раздражение и страх перед болезнями толстых людей не давил бы так на психику, я давно отрастил бы брюхо. Но я ужасно мнителен. Когда, взбегая по лестнице на пятый этаж, обнаруживаю у себя небольшую одышку, сразу начинаю думать, что это начинается рак. Смешно? И мне. Поэтому в спортзал я хожу тайно и тайно же не ем жирного и мучного. Как какая-нибудь баба!

Если бы при всех моих статях я родился дураком – это было бы огромное для меня счастье. Но мне не везет. Слишком ясно понимаю, чем привлекаю к себе всех этих эсеницин, и что они хотят от меня слышать и что получить. Им плевать на то, что я мыслю, важно только то, что умею двигаться, умею ходить, есть, пить, укладывать их в постель и вообще, что я живой, а не экранный и не журнальный вариант. Конечно, были и такие, которые утверждали, что любят мою бессмертную душу. Бессмертная душа! Какого дьявола она попала в эту дешевую конфетную оболочку?

Так вот о эсеницинах. Все они врут. Быть может, попри-

выкнув к моему конфетному лицу, они и взгляделись бы в душу мою и попытались ее понять, но это до первого появления со мной на публике. На улице или в гостях я не теряю ощущения, что попал на выставку собак, что я породистый пес на поводке у раздувшейся от гордости хозяйки и она с восторгом демонстрирует публике, какая у меня редкая масть, роскошный экстерьер и сколько на подобных же собачьих выставках я успел получить медалей. Любая женщина, идущая со мной, не устает ловить завистливые взгляды соплеменниц и чувствовать себя пусть временной, но владелицей того, что не каждой доступно.

Я всегда мечтал отомстить. Пусть не всем, но хотя бы части из них. Заставить страдать. Многие мечтают хоть на миг оказаться в оболочке очень красивого человека и понять, что он чувствует. Могу с уверенностью сказать только одно – красота не вызывает доверия. Что угодно: зависть, восхищение, желание обладать, но не доверие. От красивых людей все время ждут чего-то такого же неординарного, как и их внешность, и потому относятся к нам настороженно. Вот почему это мне мешает. Я не могу быть писателем. Я не могу ничего знать, потому что со мной никто не бывает откровенен, могу только обо всем догадываться. И еще я могу мстить...»

«Позер!» – откровенно зевнув, подумал Алексей. Сплошное самолюбование! Ни единому слову писателя он не пове-

рил. Клишин – великий лжец. А насчет желания отомстить – это интересно. Фантазия у Павла Андреевича богатая. И вновь холодок побежал по спине у Леонидова. Не запрятал ли этот мстительный человек где-нибудь ампулу с ядом? Например, на даче у соседа.

Потом Алексей представил себя на месте Клишина. Вспомнил южные фотографии, на атлетическом теле открытые плавки... «Ох, кабы мне бы! – вздохнул он и пошел к холодильнику, за последним мороженым. Врет негодяй Клишин! Он от себя в восхищении! Кого хочет обмануть? И зачем?» «Смерть на даче» была на время заброшена.

Съев мороженое, Алексей захотел жареной картошки. Он включил на кухне телевизор и попытался выслушать версию Первого канала о текущих событиях в стране и мире. Устав от избитых фраз, он выключил телевизор. Надо засесть за клишинскую «Смерть на даче». Наверное, этот доморощенный гений решил умереть, чтобы имя его прогремело. Хотел быть живее всех живых. Хоть после смерти – а на пьедестал! Алексей уже поставил Павлу Андреевичу диагноз – мания величия.

Вот, пожалуйста! Очередное подтверждение! Что Клишин был типичный психический больной! Очередная страница «Смерти» начиналась словами: «Творчество – это состояние нервного стресса». Алексей с трудом собрался с силами, чтобы заставить себя читать.

«Смерть на даче». Отрывок

«...стресса. Писатель – всего лишь проводник, он похож на электрический провод, по которому идет ток. Дело в том, что даже сам воздух насыщен словами. Все давно уже написано. Все существует. Мы живем в мире, параллельном лучшему из миров. Надо только услышать и донести его идеи до сознания людей. Обижаясь на меня, люди и не подозревают, что я всего лишь зеркало. Да-да, именно зеркало! Потому что я только отражаю их самих, их слова, настроение, мысли. Если человек добр, хорошо относится к людям, если он внутренне не агрессивен, я ему улыбаюсь и говорю приятные вещи, от которых, в свою очередь, улыбается и он. Но таких, увы, мало! Большинство – люди с большим самомнением, пренебрежением к окружающим, лицемерные и скрытные. Они говорят гадости завуалированные и очень обижаются, когда слышат в ответ гадости откровенные: а именно – правду о себе. Если их неискренняя улыбка, отразившись от моего лица, уходит обратно к собеседнику как отвратительная гримаса, разве же я в этом виноват? Как писатель я всего лишь изучаю, я настраиваюсь на того человека, с которым в данный момент нахожусь рядом. Настраиваюсь, словно на определенную волну радиоприемника, я его ловлю, а потом слушаю и отвечаю тем же. Вот и все. И, как говорится, нечего на зеркало пенять...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.